Труды Костромского Научного Об-ва по изуч. местн. края. Вып. XXVI.

Вас. Смирнов.

КЛАДЫ, ПАНЫ И РАЗБОЙНИКИ.

Этнографические очерки Костромского края.

КОСТРОМА.
1921.

Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Вып. XXVI.

Вас. Смирнов.

КЛАДЫ, ПАНЫ И РАЗБОЙНИКИ.

Энтографические очерки Костромского края

Кострома. 1921.

Вас. Смирнов.

КЛАДЫ, ПАНЫ и РАЗБОЙНИКИ.

(Этнографические очерки Костромского края).

В Костромском крае, где помнят еще о временах татарских набегов, о каких-то панах, о литовских людях, бродивших здесь, об удалых шайках разбойников, в его дремучих лесах и на могучих реках создались или принесенные из других мест росли и окрепли многочисленные поэтические легенды о скрытых в те времена в земле кладах, заклятых страшными заклятиями. Многие пробовали разыскивать эти легендарные давно забытые клады золота и серебра, искать свое счастье...

История кладов стара, как история самой страны, часто полна трагизма и всегда окружена таинственностью. Клад в народных сказаниях не просто скрытые в земле, в пещере, в колодце или под камнем деньги, он, благодаря наложенному на него заклятию, что-то воодушевленное, живущее своей тайной таинственной зачарованной жизнью. По временам он выходит погреться на солнце, пересушивается, по ночам горит свечой, стращает, плачет и стонет, когда принужден опять скрыться.

I.

Особенно часто рассказывают о кладах, которые видят ночью то тут, то там огоньком. У с. Червоненья, Костр. у., клад огоньком скачет по скошенному у Волги лугу. Бывает это только летом после сенокоса. По ночам огоньком кажется клад также у г. Унжи Видали, как клад свечой горит на мосту близ г. Луха. В болоте у Нерехты под Егорьевой горой зарыты несметные богатства—кажутся часто огнями. Около деревни «Осиновая Слобода», Костр. у., родник есть теплый в лесу. А над ним большая ель. «Горят над ней по ночам две свечи. Тут и пищи клад!» В с. Туровском и дер. Вахнецах про клад у речьки Лыкшинки рассказывают, что на Христов день здесь видят свечку на большой сосне, другие—лампадку, а иные теплинку. «У с. Блазнова (Нерехт. у.)—гора «Степанова». Деревня здесь раньше была. Около деревни прудок был, зарос ужь он, болотинкой стал Неподалеку в овражке кустики. Раз ехали со снопами поздно ночью бабушка с матерью Видят блестит на одном месте огонек в этих самых кустиках, должно быть—клад. Старики сказывали: жила тут в пристанище шайка разбойников, они и зарыли». (Рассказ Н. И. Чистякова 2 сент. 1920 г.). Кажется клад свечкой или огоньком и в других местах: у д. Евкова, Шишкинской вол., много раз видали клад, что под камнями лежит свечкой, но рыть итти боялись. Между дд. Голенищево и Андрейково, Галич у., у реки Сахи клад является свечкой. А один раз клад показался целой теплиной. Как-то

«заблудились солдаты в лесу. Было их человек пять... Наступила ночь... Идут они, и вдруг видят: горит впереди теплинка. Горит теплинка, а никого вокруг нет, пошли они к ней ближе, а она от них дальше уходит. Ну, они испугались и давай бог ноги назад. А один из них похрабрее был: пошел прямо на теплинку, нагнал... Смотрит, горит огонь, а около самого огня в земле дыра. Заглянул туда, а там все так и светится. Подумал, подумал—и страшно итти да и хочется. Наконец, решился. Перекрестился и пошел. Вниз лестница ведет. Смотрит—пещера, и стоят в ней кувшины да мешки. Открыл один кувшин—золото, открыл другой—брильянты... Стал он думать, что ему теперь делать, как всем кладом завладеть. Подумал и решил днем притти. Ушел, выбрался на дорогу.. А после стал думать, не приснилось ли все ему. Всетаки потом пошел искать то место. Искал, исклал—нашел Все также было, как и в первый раз: и дыра в земле и лестница вниз. Спустился он в пещеру, смотрит—стоит в углу на полотенце икона и свечка пред ней горит; и вдруг слышит голос: «возьми икону и иди вперед, а весь клад за тобой пойдет!» Так он и сделал. Взял икону и пошол, а клад за ним следом пошол. И вот он разбогател с тех пор. Самый богатеющий человек стал». (Зап К. И. Мордасовой 15 окт. 1920 г. от скотницы ус. Караваево А. Баранчевой).

Повидимому, в основе рассказов о светящихся ночью кладах лежит непонятное для народа явление блуждающих болотных огоньков (метан, этелен). По крайней мере в приведенных примерах естественная обстановка для появления такого народного толкования вполне подходящая В других местах, однако, встречаются иные народные об'яснения этого явления, говорят, напр., что это черти с фонарем по болоту ходят, или что это души умерших. Вправо от дороги к д. Марфино, Кострр. у, недалеко от деревни в лесу на старом курганном могильнике нередко видали огонек, потому что, об'ясняет народ, здесь «место святое».

Не исключена возможность в некоторых случаях, что явление светящихся гнилых пней могло дать также повод для подобных рассказов В лесу у «Гориславки» близ д. Окулово, Кс у., девочке лет 8—9 клад показался золотым столбиком, который «нет-нет да и осияет, по словам рассказчицы» (кр-ка д. Окулова А. Кочкина, 50 л т, 15 июля 1921 г.). Во всяком случае, мудрено согласиться с выдвигаемым некоторыми этнографами в отношении подобного рода рассказам о кладах таким сложным для народного миросозерцания об'яснением, что в них мы имеем «обломки древних мифических сказаний о небесных светилах, скрываемых нечистою силою в темных пещерах облаков и туманов», что под золотом и серебром кладов народ когда-то метафорически разумел блестящие светила неба, а под темными пещерами, скрывающими клады—тучи и т. д. (См. А. Афонасьев—Поэтич. воззр. слав. на природу. М. 1865, т. I, 202; т. II, 362—383 с.).

Можно думать, что какие-то подобные указанным выше световые явления легли в основу следующих рассказов. Той же девочке, которая видела клад у «Гориславки» в виде светящегося столбика, в другой раз клад показался около с. Шишкина, Костр. у. «В страшну неделю шла она вот видит—воздымается куст и огонек между им Антиресовать меня стало, пережидаю, а боюсь, как что нехорошее. Коло березки так и воздымается, да ко мне огнем летит. Да так три раза налетал на меня. Испугалась, убежала» (Зап. 15 июля 1921 г. от кр. д. Окулова, Кс. у. А. Кочкиной). В ус. «Селиваново», Гал. у, клад, зарытый здесь как барыню укушили в крепостное время, выходит из земли в виде блестящего на солнце круглого предмета. (Сообщ. В. К. Магнитский). «Кулига есть у

нас—«Олешино». Поехал раз туда дядя Павел на лошади. Как в'ехал на кулигу, поднялся сильный ветер. Лошадь зафыркала.. Катится на них клад клубом огненным. Лошадь бросилась, чуть его не убила, так домой и убежала.. На этом месте раз гроб дубовый выпахали и кости, а клада не оказалось» (Расск. А. Балдин из д. Вязовка, Ков. у. 28 ноб. 1920 г.).

«Вот говорили, что клады теперь не показываются. А вот на днях моя двоюродная сестра своими глазами видела.. Еду, чу, с мельницы с мешкам домой, в Окатово приехали уже ночью. Только чу, это я под'ехала к крайней избе, ан и выкатился из за избы шар. Да, чудная, весь золотой! Большущий—экое дело! Так горьми и горит. Хотела, чу, с т'леги-то слезть да ударить по нем, да такой страх обуял, прямо одурела, себя не помню, он, чу, и покатился прямо к Семенову. Вот вам и враки! Что не говорите, а верно клады выходят. Уж кто другой, а сестричка врать не будет" (Расск. А. Николаевой из ус. Короваево, Кс. у. Запис. 19 окт. 1920 г. К. И. Мардасовой. Часто, между прочим, видят летающих огненных змиев, о которых говорят, что они показываются к страху, к войне, что это к неутешным вдовам летают с того света мужья или, что это клад, или злой дух, летающий к спознавшимся с ним колдунам и колдуньям. «Вот у нас в Окатове одна семья разбогатела через «него».—рассказывает А. Николаева.—Бедные были, а как спознались с ним, так, куды те, как разбогатели. У них старуха-бабушка была—она и колдовала. Все, бывало, ходит и шепчет, ходит и шепчет.. А раз ночью соседи-то и подглядели: летит, летит по небу змей и прямо к ним в трубу.. Тут и рассыпался». (Зап. К. Мардасовой). О бродячем кладе в виде огненной или, как там ее называют, «каленой» сковороды, рассказывают в нижнем течении р. Мезы, Кол. у. Какой-либо подробной легендарной фабулы об этой сковороде нам слышать не удавалось. Но вообще сковорода иногда в рассказах о кладах фигурирует—в некоторых случаях, говорят, кладоискателям довелось докапываться до сковороды или плиты, под которой был скрыт клад.

Особенно часто клады кажутся, «чудятся» в виде животных—собаки, лошади, теленка и т. д. Саженях в 70 от с. Георгиевского, Ваш у., стоит уже не один век засохшая теперь сосна. А под сосной клад, который видит иногда красной собакой. Ходит собакой клад близ речки Нерелины у села Даровагова. Ветл у. В Галиче на Балчуге клад показывается также собакой. В Нерехтском уезде у с. Писцова собака—сама не клад, но сидит на том месте, где он спрятан и сторожит его.

Недалеко от д. Алексино, Костр. у., передавала одна старушка, клад бывало ходил по гором золотым бараном (Е. Добрынина. 14 июля 1920 г.). А у с. Петровского, Костр у., клад видали серебряным бараном (сообщ. свящ. Л. Парийский). Такой случай был в старину, рассказывала кр-ка д. Шатерино, Костр. у., Ф. Толкунова. — Большие ушли раз в поле, а дома оставили восьмилетнюю девочку. Вот сидит она и играет куклами. Вдруг из под голобца вылезла молоденькая козочка и стала около девочки тереться. Сначала та ее отталкивала, а потом взяла лучину и сказала: „ну-ка, ты, види, Бог с тобой!" и ударила ее лучиной. А коза тут же рассыпалась в золото. Напугалась девочка и побежала в поле к отцу с матерью, рассказала им. Пришли те домой увидали на полу золото, подобрали его и с тех пор разбогатели. (Записан. Н. Шаговым 28 дек. 1919 г.). Козлом видали клад около с. Родники.

Один рабочий из кр-н Кологривского уезда сообщал с полной уверенностью в истине этого следующее: „Бабушка Марфа рассказывала. Умерла она с 25 лет тому назад ста семи лет. Так она сама видела и дру-

ние видали, клад выходил на сельской пожне у с. Николо-Шарь (Колог. у.) на границе с Матвеевской волостью на *одомчине* (место прежде стоявшего дома, дворина). Выходил он поросенком. Пробовали копать, земля обсыпается—клад уходит. Так и отступились. Сказывают—жили тут раньше какие-то богатеи» (Рассказ Н. Н. Зверева 13 июля 1920 г.). В другом месте передавали такой рассказ: «Прежде свиней-то в деревнях не видали. Редкость это было. Заметил один крестьянин—прибегает на двор эта скотина: похрюкает, роет и пропадет. Да так не один раз. Рассказал он соседу про диво, а тот и говорит: «да ведь это не свинья, а клад ходит Иди сыщи, как засветёт (зацветет) папоротник, сорви его и принеси. Принесешь, выжди да накрой свинью, коли не рассыплется сама тут же деньгами, рой на этом месте на дворе клад. Какой тебя страх не будет смущать, ничего не бойся, только не оглядывайся. Набрался духу мужик, пошол в лес добывать папоротник. А по дороге то чудеи его хватают, и мяукают, и орут. Взял терпенье в зубы, не оглянулся, добыл. Как стал копать, такие страхи видел, что хоть брось, а все таки дорылся. Целый чугун с золотом вырыл. Где-то, де-скать, это тут в деревнях было» (рассказ В. А. Китаева, 20 июля 1920 г.).

Особенно часто в рассказах о кладах фигурируют петух и курица. Вот что случилось в Верхотурье, Ветлуж. у. «Однажды, взобравшись на возвышенность, находящуюся близ дороги, в виде луговины, женщина увидела золотистого петушка». Первый раз баба не обратила на это внимания, второй раз тоже: потом она сметила, что ни курицы, ни петухов таких нет в окрестности да и не бывало. «На третий раз сметливая женщина прихватила с собой в передник овсеца и пошла на эту гору. А петушок тут как тут. Бросила это женщина овса, петушок подбежал клевать; вот она и начала, идучи к своей деревне, подсыпать овес; петушок идет за ней да идет, знай клюет, а баба торопко к дому идет, чтобы овса хватило. Как только перешагнула через порог, вбежал во двор и петушок. Баба затворила ворота, убила наотмаш золотого петушка и он рассыпался в чистую золотую монету. Деньги баба подобрала и счастливо жить стала (зап. М. Забылиным. См. «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверие и поэзия», М. 1880 г., 448 стр). Показывают и местность, где этот клад явился. В доме Авдотьи Сучковой, кр-ки д. Давыдково, Костр. у., часто клад выходит,—рассказывала она,—рябой курочкой. «Только вот взять не удавалось, ребята нехорошо ругаются. Как заругаются, так она и уйдет. Слышно, как зазвенит в земле: тын-тын тын. А вот Олецкому Александру клад вышел—запнулся он в подполье на курицу, ан это чашка кореновая (плетеная из корней) была. «Да ты что? говорит—Господи, помилуй!» Она и рассыпалась деньгами. Подобрал .. (12 июля 1920 г.). «Жена покойная раз клад видела —рассказывал плотник А. Алексеев. По утру было—курица, и что за курица неизвестно, из кути вышла. Она захлопала в ладоши, а курица в передний угол и пропала. Надо бы жене столешником (салфеткой) ее накинуть—тогда она рассыплется. Жалко, что не догадалась. Искали потом в подполье, ничего не нашли. И дом-то потом продали» (д Сулятино, Костр. у.. А. А. Алексеев 58 л. 8—VII 1921 г.). Скотница ус. Короваево, (Кс. у.) так повествует о кладе: «А вот у нас в Васильевском (д. Кс у.), было, рассказывала мне баба наша деревенская. Болела у ней нога и лежала она на полатях .Лежу, чу, а в избе-то никого нет... Лежу и лежу. Вдруг, чу, смотрю—люк-то из подполья поднимается, а оттуда и выходит петушок, да золотой весь»... Она, чу, догадалась да за ним.. Да полезла, а нога за ногу у ней и запнулась. Упала она, а пока под-

нималась. петух-то, чу, и пропел. Только баба-то уж больно врать охоча. Ну, она врет, так и я вру, а может—правда, кто знает? А вот в Новой Деревне так там, так было дело. Пошла старуха в хлев корову доить. Ну, доит и доит. Вдруг откуда ни возьмись, появилась около нее клока с цыплятами, да так и кудахчет, так и бегает около, и цыплята-то за ней. все за ней.. Где бы старухе-то ловить надо, а она смотрит да думает: откуда де клока то взялась? Пока думала, клока то с цыплятами и исчезла» (зап. 15 окт. 1920 г. К. И. Мардасовой). Красной курицей клад часто бегал по двору в д. Горки. (Кс. у.). «Нужно бы, не благословясь, ударить чем нибудь» (сообщ. кр-н А. Смирнов). «С давних пор все говорят, что около Семенково (д. Костр. у.) зарыт клад. Испоконь веку тут чудилось... Сколько раз клад то на землю выходил, только никто взять его не мог. Вон мой братчик сам его видел. Был он тогда молодой,—в женихах, кажись, был,—и поехал раз в город. Только выехал он за Семенково, а тут, немного не доезжая до Поддубнова, сбоку от дороги растут черемухи... Едет это он мимо этих самых черемух и вдруг смотрит, откуда ни возьмись бежит курочка и такая рябенькая да вся и светится, ровно тебе золотая, так вся и блестит. Соскочил брат с телеги, схватил кнутовище да за ней. А она мырк опять под черемухи и след простыл. Ровно тебе и не бывало. Искал, искал—нигде нет, так и уехал. Клады то ведь на счастливых, не всем даются!» (Рассказ скотницы ус. Коровьево, Ф Рубцовой, зап. 15 окт. 1920 г. К. Мардасовой).

В с. Минском (Костр. у.) около пруда, на месте где были дома старых попов, в земле существует клад, который является в виде утки или человека. Об этом рассказывала в свое время И. Д. Преображенскому его мать и местные крестьяне (Дневник И. Преображенского. Рукопись, под 23 июня 1890 г.).

Близ д. Ломов, Юрьевецкого у., в болоте «Пляксино» клад показывается крестьянам лошадью. В д. Собакино, Кинешемского у., записано такое предание о кладе. На пустоши «Опарихе» под реку Шохонку сделан ход со сводом из кирпича. Проникнуть в подземелье трудно, так как отверстие обвалилось; земли насыпан целый бугор который и теперь виден на самом берегу реки и известен в народе под названием «Кочка» Вся кочка изрыта кладоискателями, но клад никому не выходит. Про одного крестьянина из д. Собакино, Егора Петрова, говорят, что он однажды ночью осенью ходил на Опариху копать клад. Он ощупал ломом уже подземелье, но оттуда выскочила ободраная лошадь и побежала за ним. Егор Петров без памяти и без языка прибежал домой. С тех пор никто не решается проникнуть в подземелье «кочки», которая существует и по сейчас (Запис. свящ. П. Белоруковым в 1899 г.). На поле «Бряково» деревни Косодайлово, Нерехт. у., есть рубеж (межа). На этом рубеже—дуб, а под дубом клад, котел с деньгами. Денег столько, говорят, что на всю-бы Костромскую губернию хватило. Этот клад показывается то конем белым, то мнеей (мялкой). Разбойники будто зарыли, так один в тюрьме покаялся, что тут клад хоронили. (Рассказ Н. И. Чистякова, 2 окт. 1920 г.). В Галичскам у. клады часто являются в виде жеребенка, неказистого, паршивого, ободраного, жалкого. Увяжется такой жеребенок за телегой, его прогоняют, а он бежит и бежит и жалобно так ржет. Клад, так сказать, своим видом отталкивает от тебя счастье. Идея подобных рассказов, повидимому, та, что не счастье уходит от нас, а наоборот—мы сами отталкиваем его, когда оно является. Подобные рассказы имеют наставительный тон, близко родящий их с бытовой сказкой.

Где-то около с. Сумарокова, Костр. у., клад, видали, выходит белым быком. Пробовали копать здесь. Встретили чугунную плиту. Только бы дорыться, а клад стал уходить вниз—не было человека, на имя которого клад положен (рассказ Дуни Милаковой, 15 июля 1920 г.). Пройдя поле деревни Евкова, Костр. у., у поворотец есть клад—является красным быком. «В одном крестьянском доме каждую ночь выходила из подполья белая корова. Долго хозяин видел это, но не знал чему приписать такую странность. Наконец, кто-то сказал ему, что это должно быть клад; тогда он, не думая долго, как только корова вышла, благословясь, ударил ее по лбу, и коровы не стало, а вместо нее оказалась целая куча серебряных денег. Но за то жена его, спасшая в то время на голбце, оказалась умершею». (И. Иванов—Суеверный крестьянин. «Родина» 1892 г., № 28 949 стр.). Подобный случай, рассказывают, был в другом месте. «По строил один избу, да так в ней и не жил—как лягут спать, из западни (по подье) голос: «лезу!» Боялись, ушли в старую избу. Зашел как-то к ним странник, попросится ночевать. «Некуда,—говорят,—сами в большом-то доме не ночуем». Рассказали ему. «Ниче о,—говорит странник,—ночую, дайте только мне работника». Остался он с работником на ночь. В 12 ч. из западни голос: «лезу!». «Полезай!»—говорит странник да по-матерну. И вылез белый бык. Как ударил его странник, он и распался чистым серебром. Разделили странник с работником клад и ушли оба» (рассказчик-на А. Смирнова из д. Горки, Костр. у., июль 1920 г.). «Ходил я клад копать в «Стуглево», верст 6 от деревни Конюхово (Кс. у.),—рассказывал один кладоискатель. Не один ходил, вся деревня ходила. Изрыли все, им нарыли стратить. Говорили потом, что Захар нашел Верно—разбогател он скоро, стал торговать. А рыть начали потому, что корова стала казаться—бабы видели: стоит корова в сосняке (сосновый лес), подойдут, пропадет. А то в одном месте клад выходил женщине седым теленком. И все на одном месте много раз пристанет к ней, а та его гонит. Рассказала она своему деду, тот сметил и стал глядеть. Увидал его, как ударил по крестам, так тут на месте яма открылась, а в ней корчага с серебром—деньги старинные клинышками» (рассказ М. Н. Ерунова, 1 авг. 1920 г.).

Иногда клад принимает разнообразные виды. В д. Маркове, Чухлом. у. в одной скотной избе клад появлялся теленком, поросенком и курицей. Теленок грелся у печи, а курица бегала за работницей и хватала ее за подол платья. Нужно было, чтобы овладеть кладом, благословясь ударить теленка или курицу, и клад-бы рассыпался У с Кестенева, Костр. у.. клад показывается прохожим по ночам, то в виде коровы, то копной сена, а одному он показался в виде солдата в полном мундире и с ружьем на плече.

Любопытно, что клады в народных сказаниях чаще всего показываются в виде домашних животных. И только в редких случаях, как исключение, в качестве кладов фигурируют представители дикой фауны края. Напр., в одной сказке—«Отчего на Руси денег стало много», записанной в д. Земешавихе, рассказывается о том, как указала путь к подземному ходу с кладом чернобурая лисица. Священник с. Георгиевского, что на Лухе передает в статье своей «Суеверный крестьянин» о явлении кладов в виде зайца. В одном случае нами встречен рассказ, в котором клад явился под видом тетерки. Местонахождение клада рассказчица указывала в пределах Ярославской губернии. «А у нас,—рассказывала она,—между Вечановом и Николой есть огромные камни. Большущие! Еще «Васино поле» называется, так там тоже чудится.....

Сказывают, клад там зарыт. Хотел раз братец мимо их ночью поехать, так мама покойная, как бывало, уцепится за него: «родимый не езди!» Сама раз видела около этих самых камней огонь горит. Так и светится по земле около них... Раз, говорит, так то шла мимо них ночью баба из нашей деревни—и появилась на них тетеря. Сидит и светится, ровно тебе золотая. Так и блестит. Только хотела она ее схватить, вдруг, откуле не возмись множество охотников. Как почали они все стрелять, так баба то едва ноги унесла, не помнит, как и до дому добежала. Большущие камни-то. Все говорят, что под ними клад зарыт. Трудно только достать-то его. Раньше люди были не то что теперь.—похитрее. Заклятья клали на клад-то! А теперешние-то, пожалуй, и не сумеют!» (Рассказ Анны Карцевой. Запис 15 окт. 1920 г.)

Объяснение такого разнообразного вида, какой принимают клады и притом обычнее домашними животными, надо искать не в животном культе и не в мифологии, а в том, что, по народному понятию, словесный заговор в колдовской практике (а клад в большинстве случаев заколдован) неразрывно бывает связан и сопровождается магическим колдовским действием,—в данном случае при закапывании клада и зароке над ним должно было, по мнению народному, закалываться какое нибудь животное. Неизвестно в какой местности записан следующий заговор-зарок на клад: «кто осмелится достать мои деньги из этой ямы, пусть будет с ним то же, что я сделал с этим козленком». Отсюда вывод—оттого этот клад потом и являлся людям в виде козленка, что последнего закололи в подарок нечистой силе (С. j. Г.—Домашняя беседа священника с прихожанами о так называемых кладах. «Руководство для сельских пастырей». 1866 г., № 25, 308 стр.).

По народному представлению, существует, между прочим, такое объяснение относительно внешнего соответствия вида животного и клада. Золото является под видом животного желтого, рыжего или красного цвета, серебро—белого или седого.

В образе человеческом явления кладов также нередки. «В одном месте поехал рыбак рыбачить и видит—выходит из воды старичек и не мокрый, сухой Говорит рыбаку: «толкни меня»!—Да, за что я, дедушка тебя толкать буду? «нет, ты толкни, толкни меня!.—Пристает старичек. Рыбак не толкает. Тогда старичек и говорит: «дети у тебя будут немые, глухие и безволосые». Рассердился рыбак ударил старика и рассыпался тот золотом. Разбогател рыбак, а потом дети то родились, правда, и глухие и немые и без волос. В Казани это было—только вот фамилию-то их забыла». (Рассказ А С Георгиевской, Кострома 5 дек. 1920 г.). Около д. Балахонки, Кинеш у., у самой почти речки Байковки клад являлся в виде человека. Как-то неожиданно появился этот человек и предложил шедшему тут в то время крестьянину побороться с ним. Когда тот не согласился, неизвестный сказал: «видно мне молодцу еще тридцать лет лежать».. «Ноне о Святой»,—передает Ф. Нефедов,—мужичек нашел клад. Шел он в светлое воскресенье к заутрене. Идет и видит—из лесу вышла женщина вся в белом. Не надо ли, говорит, мужичек тебе денег?—Коли, говорит, не надо, дворину бы перенравить, по хозяйству кое что наладить!—Так пойдем, говорит, в лес я тебе денег дам. Увидел мужичек котел в земле, края в ровень с землей: полтинники, целковые, крестовики накладены ребром. «Бери, говорит, сколько хочешь». Мужичек взял, много-то не посмел. С деньгами воротился домой, и в церковь не пошол: обрадовался уж больно! Это правда, истинно (Рассказ «Клад». Сочин., т. I. М. 1894 г., 325—426 стр)

В д. Вихорцево, Кинеш. у., рассказывают, зарытый близь деревни в овраге клад иногда показывается прохожим в виде ребенка. Но тот же клад показывается то горящей свечой, то светлой копной... Такие клады, бывает, являются периодически через определенное количество лет. У д. Выползиха, Вад. у., летом перед закатом солнца по полю, имеющему склон к деревне (по направлению к востоку) представляются многочисленные шеренги солдат в походной форме, в полном вооружении, стройно вышагивающих. Солдаты доходят до гумен деревни, поворачиваются обратно и уходят в небольшой овраг, откуда обыкновенно появляются. Явление это по словам рассказчиков, наблюдается только из деревни, едущим же по дороге, пролегающей по этому полю, не замечают его. По словам некоторых, явление это происходит определенно через каждые два года в третий. Объясняют так, что в овраге или на поле должен быть клад от бывшего здесь в давнее время сражения (Запис. свящ. с. Березина Н. Рождественский в 1900 г.)

Часто встречаются рассказы о солдате, охраняющем клад. „Мало-ли что плетут,—говорил А. М. Белорукову кн-н И. Каллистратов. — Вот про клады ты спрашиваешь. Много говорят про них: будь-то где Керженец сходится с Большим Козленцом, есть урочище «Земляной Столп» ище прозывается,—дак говорят, на том урочище, часто там являются, разные там видения. Видят солдата: как он ходит, охраняет, значится, тот клад; а то другим чем покажется—самому мне видеть не подважилось. Рассказывают: по берегу раньше большая дорога там проходила шоша, значится, а через реку мост громадный был, так вот: будьто клад тут разбойники зарыли" (Рукоп. А. Белорукова—Ковернинский уезд). Клад появлялся в былое время близ д. Сулятино, Костр. у., в заполосках, называемых «Колдчики» в виде человека с собакой, а около д. Юрьево, Нерехт. у., клад выезжает всадником. Интересно отметить, между прочим, связь такого представления клада в виде всадника с легендой, часть которой изображена в рисунках с подписями на одной дверце, почитаемому, камина из усадьбы Аминево, Нерехт. у., в настоящее время хранящейся в Музее местного края в Костроме. Работа этого памятника народного творчества относится к XVIII ст. Здесь под соответствующими иллюстрациями читаем следующие подписи: «о погубленном богатстве. Явися ему диавол во образе воина, ездя на коне черном, иже с печалию его вопрошая. Поведав не скорбети. И указа ему диавол едино место. Зде копай и обрящеши множество многая злата, сребра и камения драгаго обаче за сие да принеде» .. К сожалению, продолжения повести нет. Но и из приведенной части повести, очевидно, что сказания о кладах с их фантастической окраской создавались не сразу, а длительным процессом, в основе многих подобных современных рассказов о кладах лежат старинные повести или сказания. Каждый сюжет, таким образом, имеет свою жизнь и эволюцию.

Бывает, что клад является в своем собственном виде—золотом или серебром. В с. Верховье, В-тл. у., клад «показывался в виде бочонков с золотом и серебром. Рассказывают, что некоторые крестьяне, проезжая мимо пользовались этим золотом и богатели оттого, но набравши один раз золота сколько можно в карманы, за пазуху, за голенища, не могли уже вторично найти этого с кровища, да и места не могли отыскать, клад пропадал». (М. Забылин—Русский народ, 446 стр.). В этой легенде может быть проводится такая мысль—счастье дается человеку лишь раз в жизни и им нужно воспользоваться во время. «На Быковском озере мужик, который пришол с котомкой сухарей лесовать, видел—на сучьях

развешаны все деньги—«они» их сушили, вишь, и лестница дубовая к озеру. Вот он котомку опростал, наклал денег и пошол скорей домой; шол-шол, не мог найти дороги—видит, не выбраться ему с этими деньгами из лесу,—высыпал их на землю, пошол дальше. немного погодя, увидел свои сухари; осмотрелся кругом, видит: денег-то на сучьях нет—«они» их уже убрали. Ничего не видно, одно озеро. Походил немного и вышел на дорогу» (Зап. А. А. Ширский).

Рассказы о являющихся кладах разнообразятся до бесконечности. Клад в народном представлении живет своей непонятною таинственною жизнью, всякий неодушевленный предмет, в виде которого представляется клад, движется, пропадает, «отводит глаза» человеку, принимая иной образ. В казенной лесной даче за д Матвеев кой, Кинешем. у., клад показывается колодцем, а кругом его развешено белье. «Как только подойдем к этому месту,—рассказывал учительнице Е. Белоруссовой, крестьянин Х. О. Киселев,—так все сейчас же и истезает и никакого колодца нет». В тоже время такие неуловимые клады имеют свойство, когда их возьмут в карман, превращаться то в черепки, то в навоз. Смеется над человеком нечистая сила! В одном месте был такой случ й. Раз свекор со свекровью уехали в город, остались дома только две снохи. Одна и говорит другой: «а что бы нам явился сейчас клад?» А другая говорит: «Что ты, дура, ищо явится да как страшно, на...ть и на клад-от». Только она это проговорила, а в окошко и пехают гроб. Сначала напугались они, закричали, а потом опомнились. Та сноха, что говорила—«хоть бы нам явился клад», прочитала молитву и из гроба посыпался лошадиный навоз. Взяла она его и выналила на двор. Приехали вечером свекор со свекровью. Стал свекор на дворе распрягать лошадь, под ногами у него что-то и заверенело. Велел он снохам принести на двор огня. Тут и увидали на дворе кучу золота. Взял он золото и говорит: «вот теперь и дом перестроим». А снохи в спор—и нам, говорят, давай—клад-то нам явился. Дал им понемногу». Положили они в свои сундуки, а когда потом чрез несколько времени посмотрели на свои деньги, у той, которая неточтительно говорила о кладе, оказалось не золото, а лошадиный навоз (по записи Н. Шагина).

II.

Каждое озеро, крупный заколдованный лесной овраг, глубокий дремучий лес, обросший мохом валун и одиноко стоящая столетняя сосна имеют свою собственную легенду. Заброшенные торговые пути по лесным волокам и рекам, зарощенные веками остатки старинных городищ и безвестные могилы хранят свои тайны. Чаще всего в этих приметных местах скрыты клады.

Указывают клад в озере пос. Парфентьева, близь бывшего здесь монастыря. В озере, говорят, бочка с золотом, опущенная монахами при нападении на монастырь разбойников. В озере у д. Ледино, Ко огр. у., лежат бочки с золотом и другими вещами, брошенные в озеро помещиком, жившим на горе над озером, когда напали разбойники (рассказ И. Прирова 1 октября 1921 г.). В Пеузском озерке, Макарьевского у., также клад—бочка с деньгами на якоре, покрывшаяся от времени мохом. У села Холм, Галичск. у., рассказывают, в р. Тебзе клад лежит: бочка с золотом и другими драгоценностями—в «Огуречном» омуте (иначе называемом «Огорев»). «Недалеко где-то от Шишкино (Костр. уезда), омутино есть на р. Покше. Сундук, указывают, в ясный день видно на дне, а от него цепь красная к берегу. Взять клад днем нельзя,

надо брать в 12 час. ночи. Боятся итти—как страх нападет» (рассказ П. М. Шувалова, 12 июля 1920 г.). Рассказывают, что в речке Чернобайка (недалеко от д. Подорванка, Нерехт. у.), есть железные ворота, а на них стоит сундук с деньгами; их столько, что на всю Костромскую губ. хватит (рас. Н. А. Калиткина 29 янв. 1921 г.).

В 12 вер от д. Андреевки, Ил.-Заборской вол., в местности „Столбиха" указывают колодцы, в которых будто-бы скрыты старинное оружие и разные вещи. «Сам не зазнаю,—рассказывал кр-н д. Бачманы, Галич у.,—а люди сказывали коло нас в колодце клад. Шест опущали—брякает (расск. дед Матвей, 17 сент. 1921 г.). Подобные же засыпанные кладовые колодцы существуют в Костромском уезда: у с. Петрилова (в гриве Маховатых), около с. Борщина, на том месте, где по преданию было с. Артемьево и в др местах.

Недалеко от с. Сущева, (верстах в 4 х) Костр. у—овраг, называемый «Семгородным». Здесь будто бы есть разбойничий клад. Крестьяне пробовали копать. Такое же преданне связано с оврагом между д. Пантусово и с. Городище, и с оврагом «Лопатошным» у с. Минского, Костр. у. «У д. Алексино, (того же уезда) есть овраг «Кармыш», зарос весь крапивой, страшно войти в него. Здесь разбойниками положен клад—лодка с золотом. На кладе заклятье: кто вырает, вся семья того погибнет» (рассказ Дуни Милаковой, 16 июля 1920 г.). Близ с. Троицкого, на р. Ветлуге «есть место, известное у окр стных жителей под именем Игуменого врага; в этом Игуновом враге лежит клад, но клад этот никому не дается; по скату оврагу видны следы раскопок. Ходит здесь по ночам оборотень какой то». (Мельников А.—Очерки Поветлужья, «Ниж. Губ. Вед.» 1890 г № 18).

На «Натальиной горе» близ д. Иконниково, Костр. у. есть какие то своды—легенда о кладе, положенном разбойницей Натальей На горе «Шигорде», что около с. Тетеринского, Перехт. у., есть много кладов. Здесь, между прочим, имеются курганы, находили также кремневые стрелки (Дневн. И. Преображенского. Рукоп. 1896 г. 1 авг, 1897, 1 мар.; 9 г, 1 мая, 97 г. 10 мар.) Близ с. Иваникова есть гора Шихорда, и в ней клад. Здесь раньше вечером нельзя был ходить—заводит (сообщ. И. Молчанов) В летописи Вознесенской ц ркви с. Коршунского, Макарьев. у., рассказывается о кладе следующее: «В 1½ верстах от села около д. Мартыново, Завражской вол.. саженях в 70—100 есть маленькое озеро, на берегу которого гора. На вершине горы заметны валы вокруг ямы По преданию, на горе был зарыт клад—бочка с золотом. Несколько человек при помощи колдуньи вырыли его. Вытащили бочку, задумали кладом воспользоваться одни, а колдунье ничего не дать, но колдунья угадала, и, по ее заклинаниям, бочка скатилась в озеро, где и сейчас находится» (Сообщ. Л. Н. Казаринов). Под с. Сущевым (Костр. у.) на горе «Езимчихе» (Мясничиха) клад; нечистое это место,—пробовали здесь когда то церковь строить: днем постаяят, а ночью развалится, так и пришлось бросить. В 3-х верстах от д. Микишево (Кс. у.) также клад—показывается свечкой. Верстах в 5 от с. Красново, Костр. уезда, есть «Высокие горы». Здесь скрыты большие сокровища, оставленные грабителями, разбойничавшими в старину по Волге. Сокровища скрыты на месте, называемом «Саврасов взвоз» «Около этих гор в лесу есть место, кругом обложенное на сажень и более кампнями» (сообщ. К. Соболев, 1900 г. Анкета Костр уч. арх. ком.). На «Волотовой горе» (в Буйском уезде между ус. Тулубьево и Ивановское) скрыт клад (В. Пирогов—Сведения о курганах... «Костр. Ст.» вып. I, 135). Близ

с. Осокина, Нерехт. у., в горе около р. Нойги есть пещера, в которой будто-бы есть печь, и здесь, по сказанию, доселе находится больших размеров медный кувшин с кладом (И. Милованов—Дополн. сведения о древностях....«Костр. Стар.», вып. II, 76 стр.).

О обычно часто легенда о кладе приурочивается к древнему кургану или городищу. В с. Унороже, напр. ходит много рассказов о кладах кургана «Журавец» (И. Херсонский—Сведения о некоторых памятниках старины. «Костр. Ст.» I вып. 31 стр.). В кургане, что на «Мышьем враге» у р. Костромы также, передают, есть клад. Близ с. Есиплева, Кинеш. у., в пменьи бывш. Колачевых, существует курган, а с ним связано предание, что тут зарыто оружие. Сказания о кладах приурочены к курганным могильникам близ д. Убебино, ус. Погоредки и много др. (см. Преображенской—Дневник, 1 авг. 1891 г.; 15 фев. 1893; 12 янв. 1891; 5 июня 1882 г.).

Около д. Фоминцы, Коряковской волости, в расстоянии около версты от этой деревни, при раскопках земли найдена каменная толстая плита длиною около двух сажен. Под плитой находятся четыре камня. В среде окрестного населения носится слух, что под плитой и камнями сохраняется клад или склад оружия. Под двумя плитами на выгоне ус. бывш. Кадникова, в Солиг. у., по преданию, будто бы скрыты какие-то сокровища (И. Милованов—Новые сведения о древ. Костр. края «Костр. Стар.», вып. II, с. 64): «В Доминском болоте у с. Провина, Нер. у. лежит белый камень, ну, за каким псом он попал туда!—а под ним клад. Ходил как-то за смородиной, сам видел, подрыто под него—клад искали» (Расск. А. Н. Орлов, 8 дек. 20 г.). В 3-х верстах от дер. М. Ломы Юрьев. у. на покосе, называемом «Лубенки» под большущим камнем также скрыт клад. Под д. Нагорское, Гряд. вол., в лесу у большой дороги лежит громадный камень, а под ним, сказывают, есть плита, а под плитой клад. В местности «Гусыня» около с. Пушкина, Костр. у., в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию под камнем зарыт не весть сколько денег. На «Бараньих горах» (верст 7 от с. Черн. Заводи, Кс. у.) лежал большой сажени в $1^1/_2$ белый камень, а на нем знак гусиной лапы. Под камнем большой сундук с деньгами. Под Минским городищем у Волги также был когда-то громадный камень «Кобыла» потом разбитый и отвезенный в Кострому под фундамент одной часовни. На этом камне в былое время происходило крещение бурлаков-новичков и о нем сложились живописные легенды. Задумал, рассказывают, чорт жениться на поповой дочери и решил устроить для молодой новый дом (чертово городище), понес туда камень с Минской горы, да сил не хватило—уронил, так он под горой и лежал (Сообщ. А. В. Гуреев). Про камень этот рассказывали еще следующее: «Ванька Каин да Васька Гусь (Ус?) клич кликали, что под «Кобылой» клад они зарыли, а на камне гусиную лапу вырезали. Как камень увезли, рыли на этом месте, но клад кто то ужь раньше взял» (рассказ П. В. Шувалова, 12 июля 1920 г.). Любопытно, что знак гусиной лапы встречается в рассказах по разных мест и о различных пунктах. В межевых книгах XVI и XVII ст. по Костромскому краю нередко встречаются родовые знаки на бортях и покосах—«тетеривина нога», «сорочья нога». Возможно, что рассказы о знаках гусиной лапы идут отсюда.

Там, где нет обросшего мохом громадного камня, непонятно для народа каким образом сюда попавшего, клады приурочиваются к старым деревьям, к лесам или раздорожьям. Так в Коряковской вол., близ д. Дер

бина, стояла когда то старая сосна на горе, и около нее схоронен клад. Близ р. Сендеги, пройдя немного от д. Семенково, Кс. у., есть яма, и около нее под одной из елох зарыт клад—трехведерный горшок с деньгами. В поле на дороге из с Минского в д. Становщиково была старая береза (теперь ее уж нет) и «около нее показывалось различно и сказывали тоже - под ней клад. А по дороге в Минское из Костромы в лесу «Гривы» есть клад, но в каком именно месте—неизвестно, так как дерево, в котором был врезан «пятак» и под которым был клад, срубил кр н д. Новинок, нашедший потом пятак» (И. Преображенский—Дневник, 23 июля 1890 г., 10 июля 1891 г.). Показывают клады под старой сосной у с. Георгиевского. Варнав. у., у д. Мархинино, Кологр. у. и в других местах. Говорят, недавно еще стояла красная сосна под дер Лихарево, Гал. у., а под ней клад. И рубить эту сосну нельзя было—искры от топора летели. Кто-то сжог ее... «Около г. Чухломы в расстоянии 1/4 вер. около границы с землей дер. Тимофеевского лет 25 тому назад стояла сосна Трое взрослых людей едва могли ее обхватить... Сохранилось предание, что под корнями этой сосны находится клад, но кто его зарыл и не положено-ли какого зарока, никто мне не мог сказать. Лет 25 тому назад это редкое украшение окрестностей города погибло, благодаря ребятской шалости. В дупло сосны ребята напехали хвороста и зажгли (сообщ Л. Н. Казаринов, 1 авг. 1921 г.). Иногда клад преурочивают к дремучему лесу. В «Черемисском Боре» на р. Ветлуге в именьи, бывш. Жохова, был говорят черемисский город «Рудень». Здесь скрыт клад—12 бочек оружия и 12 бочек золота и серебра (И Преображенский—Дневник, 3 сент. 1891 г). Указывают клады у раздорожьев, напр. «под Рамешкам (деревня Коверн. у) доподлинно клад есть. Сказывают докапывались до сундуков, да ожуть брала: в роде как пучки с соломой зажигались, никак клад не давался» (из рукоп. А. М. Белорукова—Ковернинский уезд. Запись 9 дек. 1920 г).

Одним словом, уединенные глухие и особо приметные места, в большинстве случаев, связана с преданиями о кладах. Здесь ямщик или местный житель не приминет рассказать путнику о схороненных тут сокровищах и пр. Таинственная глубина рек и озер, заросшая могучим лесом старая домовина, сонная тишина дремучего леса—все это создавало и создает обстановку и настроения, порождающие подобные сказания. Народной фантазии при известной любви народа к сказке, ко всему чудесному было достаточно простора поработать над этими темами.

На присутствие клада в известном месте указывает разные явления и очень часто сны «Сам своими глазами видел,—рассказыл один пастух,—тринадцати лет тогда был, как-то кашу варил в маленькой печке. Сварилась каша и вылезла из горшка, как просвира стала. Я и закричал: «смотрите, каша из горшка лезет!» Сразу остановилась. Не надо-бы кричать, она бы покатилась из печи на то место, где клад лежит, тут и ищи его. Вот чудо-то—своими глазами видел!» (рассказ Ф. Задорова из д. Елкотово, Костр. у. 12 июля 1920 г). В другом месте это убежденное верование в такой признак клада также подтверждали, добавляя, что это явление бывает, когда клад зарыт под домом. (Д. Милакова из дер. Алексино, Костр. у., 15 июля 1920 г).

Часто клады, по народным рассказам, являются во сне и отыскиваются потом по тем признакам, как они виделись. Вообще вещее значение снов, их чудодейственная магическая сила—обычный мотив в рас-

сказах о кладах. В с. Верховье, Ветл у., одна женщина как-то видела во сне, что некто явившись к ней, открыл ей клад, говоря, что если она пойдет со своим кровным племянником или племянницею вдвоем, а нет, так с кем нибудь из ближних родственников в полночь, то клад ей откроется. Сон повторился три ночи сряду. Нельзя было не поверить наконец. Обратилась баба к своему родному племяннику и стала приглашать его с собой для отрывания клада. Место, где был клад, осмотрели. Во сне ясно было обозначено место и его еще днем нашли. Наступила ночь. Баба до смерти боится идти одна, не менее ее боится идти и племянник.—Не позвать-ли с собой кого, тетушка?—Да, пожалуй возьмем, кто посмелее,—соглашается тетка. Взяли каких-то двоих трех смельчаков. Место благо знакомое. Вооружились дубинками и пошли. Не дошли сажен пятнадцати, смотрят: на том месте огонек сверкает, скачет, а ветер так и гудит! Место-то лесное, свищет по хвою холодный ветер, так сердце и замирает; ведь, время то самое полуночное. Идут, словно упираются да назад оглядываются. Не дошли до клада сажен пяти, а ужь им чудища стали показываться и плясать и скакать пред огнем. «Глядит мой племянник»,—повествует баба,—а ужь провожатые-то бегут от нас только пятки улипают, не выдержали и мы с племянником, за ними же следом побегли, не помним, как с ужасу-то до домов добежали, потому что очень ужь страх обуял, да и ветер-то очинно круто свистал... беда!»—заключила рассказчика» (М. Забылин, 447—448). Где-то в Костромской губ. подобный же рассказ со слов одного крестьянина записан еще М. Забылиным, без указания точного места записи: «однажды ему (крестьянину, со слов которого записан рассказ) приснилось во сне, что в известной местности зарыт клад, при чем были рассказаны приметы, кроме того было сказано также и то, что клад этот был зарыт разбойником, у которого была подруга жизни. Умирая, он наградил ее так, как только умел... Но его богатство было несметно и еще зарыто в земле. Умирающий разбойник написал запись и в ней завещал все свое наследство, зарытое в земле, внукам и дальнейшему потомству. Так было возвещано во сне. Крестьянин видел этот сон три раза сряду и решился попытать, действительно-ли хоть существует местность, привидевшаяся во сне? Местность, действительно, была найдена, но как ни рылись не могли найти такого клада. Потом крестьянину опять приделся сон, где говорилось, что клад можно получить только по записи, что запись эта находится в Казани у богатых (ныне) купцов, праправнуков разбойника, что ее нужно от них взять и только тогда можно взять клад, когда дашь обещание на эти богатства построить три церкви. Крестьянин был человек зажиточный, он нашелся побывать в Казани, найти этих наследников и хранителей записи, поговорил с ними, но владетели записи не решились отдать ее; а крестьянин на том же основании не решился соединиться с ними по недоверию, так дело и кончилось» (М. Забылин—446=447 стр.) «Дяди Артемий рассказывал: привиделся ему сон—«копай, говорит у деревни Верхние Слуды, найдешь кости человеческие, а потом клад». Пошол, отыскал, как снилось то место, вместе с бабушкой моей да с братом пошол. Выкопали только кости—огромные. Сложил он их в корзину, отнес на чердак. В деревне смеяться над ним стали, сложили песню, «как копал—скоро на кости попал». А ему не до смеха, сниться стало, чуть в башку разная полезда. Пошол к благочинному, рассказал ему все, а тот велел принести кости. Отпели и закопали на кладбище» (рассказ Г. И. Рябкова, кр. д. Минина, Ков. у. 21 нояб. 1920 г.).

Чаще всего клады видали старики: «дед ходил по клады», «он их видал много», «нынешний народ не знает, а вот Федоров дедушко—этот сам слышал, как шел врагом на пасху, промежь заутрени и обедни, идет, а сзади ему кричит клад: «раскинь платок, раскинь платок!» Ему бы раскинуть платок, да он побоялся». (Рассказ Н. И. Иняткиной 18 вю я 1920 г.). Или в таком роде: «Дедушка Данило рассказывал, как копал клад—показалась ему лягуха огромная, а потом буря поднялась, так и бросил». (Рассказ Г. Рябкова, 21 нб. 1920 г.). В подобном роде со слов третьего лица начинаются рассказы о кладах. Однако суеверная фантазия, расстроенное воображение и истерия, явления которой так часты среди народа, при известной обстановке создают очевидцев фантастических явлений кладов Вот напр., рассказ, записанный одним учителем со слов очевидца: «Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Волуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошол я этак раз—лет десять мне было—в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву. Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре то сундук, как раз на ручье на самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю—чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего, мороз по коже подирает, а смотрю. Вдруг покажись мне-тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта в зда. Огоропь взяла меня тут, сам не свой сделался волосы дыбом на голове; взглянул на рыло-то ей да унесь-ко оттуда, Господи, что есть прыти домой. Прибегаю домой—на мне лица нет. Что, спрашивают, с тобой? Я в слезы. Едва едва успокоился и рассказал в чем дело На другой день ходили с крестным оба осматривать то место, но и места-то ужь не нашли ничего, похожего даже нет». (Зап. уч. Замешаихи, С. Шаровым, в 1900 г 15 мая).

Иногда рассказчики очевидцы явлений кладов передают об этом с такой простотой, дышущей наивностью и правдивостью, что не оставляют сомнения в полной их уверенности в достоверности и точности имеемых событий «Иду раз ночью с посидок около «Ленивой горы»,—рассказывал крестьянин д Богородицкого, Костр. у. Есть тут под горой-ли, на горе-ли клад—все ямы тут какие-то нарыты, видят, бывает, свечой горит Только подумалось мне: «а что как клад увижу, что мне делать?» и вижу—несут трех покойников и народу много идет. Я бегом домой. А за мной до самой деревни клад несли. Не знал со сразу, как взять его». (3 окт. 1921 г.).

III.

Несметные сокровища не всегда зарыты в землю просто для сохранности и потом забыты; они закляты великими зароками и охраняются таинственной чаще всего нечистой силой.

Встречаются клады заклятые так, что выходят из земли лишь через несколько лет. «В с. Куникове (Костр. у.), у кр на И. Р. Кончихина выходил клад и под мосту; сын шел с беседок—видит—стоит человек, держит двух жеребенков. Надо бы их с молитвой взять, а он начал кричать отца и клад пропал. Через 7 лет самому старику явился в 12 час. ночи человек, белый как полотно и стал звать за деньгами. Он не пошел, стал звать сына и клад опять пропал. Теперь через 7 лет опять ожидают, что он покажется» (зап. А. А. Ширский в 1911 г.). Где-то близ

старого города Унжи,—рассказывают старики,—зарыли разбойники клад. Стал по ночам на этом месте являться огонек. Порешили достать этот клад. Стали копать. Долго копали и наконец докопались до чугунной плиты. Только хотели поднять ее, как вдруг она исчезла. Кладу, говорят, не стало еще время выйти из земли, а как придет время, тогда сам выйдет (зап. уч. А. Колмаков в 1901 г.).

Существует особый вид заклятых кладов,—так называемые «возвратные клады». Из такого клада можно взять деньги лишь на определенный срок, а потом возвратить во время иначе худо будет - замучает нечистая сила. Рассказывали о таком кладе близ д. Бархатихи, Ветл. у. в починке «Поташном».

Иные клады показываются нескольким лицам—десяти-двадцати, а воспользоваться кладом может только последний из них, если он сумеет, благословясь, только дотронуться до него и заикнуть, сказать заповедные слова: «аминь, аминь, рассыпься!» (трижды). Тогда клад рассыплется деньгами. Если человек не успеет этого сделать, клад уйдет опять в землю на столько же лет, после назначенного времени он откроется сам или будет доступен для каждого.

Клад не любит, когда искатель, забывая необходимость молитвы, при неудаче выругается. В Юрьевецком у. близ д. Дьяконово, пробовали рыть клад Стеньки Разина. Дорылись до плиты, но один из работающих выругался и клад ушел в землю. То же самое случилось, говорят, с одним Подгорновским крестьянином в Ветлужском у. В д. Ивашково, Костр. у., был такой случай. Привиделся одному старичку сон, что клад под тремя елями зарыт. Знал он это место и вот ночью в 12 часов отправился рыть. Дорылся до угольев, дальше плита. Только хотел за нее взяться, поднять—откуда ни возмись собака, да как на него гавкнет. А тот ее матерно—клад-то и ушел. (Рассказ неизвестн. кр-на из д. Манылово, 22 дек. 1920 г.).

Любопытно отметить, что в одних местах, как мы видели, необходимо клад брать с молитвой и благословясь, в других—наоборот нужно клад «ославить» что ни на есть крепким словцом, только тогда он достанется. Быть может, такие совершенно противоположные взгляды на это зависят от разных точек зрения на клад—или как на дело нечистого, или как на дело божье: есть клады богом положенные. О таких кладах, напр., передавали в Ветлужских лесах (см. А. Печерский—В лесах). Но все-таки чаще с народной точки зрения—богатство и клады—дело нечистое: «не пустишь душу в ад—не будешь богат», говорит здешняя пословица.

Рассказывают о кладах, положенных только на известных людей, они и дождутся этих счастливцев, которым судьба передаст их в руки. Так, есть клады, положенные на какое-либо имя, скажем, на Авдотью, клады, заклятые на незаконнорожденного, на девицу, на того, кто согрешит с матерью, сестрой и кумой (зап. А. А. Ширского, Ветл. у.), или такие, что выйдут дураку,—не даром говорится: «дуракам счастье»; выходят клады убогому или ребенку. Жили два брата. Один богатый другой бедный. Богатому привиделся сон, что в одном месте клад зарыт. И в другой раз привиделось, да так три раза. Пошел он к бедному звать рыть клад вместе. Сидит тот у окна и говорит: «Нет, не пойду. Мне и так бог в окно подаст». Рассердился богатый, ушел один. Рыл-рыл он и вырыл дохлую собаку. Так ему горестно стало, пошел опять к брату: «Что,—говорит,—не шел копать? Я вырыл; на, вот тебе!». Взял да и бросил собаку в окно, да прямо на стол. Обедали... Все со стола по-

летело, а собака рассыпалась чистым золотом. «Вот,—говорит бедный,—мне бог и подал в окно! «Запамятовала деревню, где это было»,—закончила рассказчица (Е. Сучкова, дер. Давыдково, Кс. у., 11 июля 1920 г.) В последнем случае, повидимому, проводится известный взгляд народа—что правда, слабые, младшие, преследуемые должны в конце концов восторжест овать, выйти победителями, идея особенно ярко отразившаяся в народных бытовых сказках. Около ус. Дудкино, на р. Покше (Костр у.) «клад зарыт на вдову, которая 30 лет вдовела. Вдова такая, может быть бы и нашлась, так вот которое место рыть-то не знаем». (Сообщ охотник П. М Шувалов из д. Окулово, 12 июня 1920 г.)

Клады даются чаще всего только «некорыстным» людям. Рассказывают такие случаи: копают двое в известном месте клад, докапываются до него, уж заступ ударил во что-то железное, выставился конец сундука. В это время появляется невдалеке какой то прохожий (нечистый в образе человека). Искатели клада, не желая делиться с третьим лицом, поспешно прячутся за кусты. Когда прохожий скрывается из вида, выходят и опять принимаются за работу, но как они не стараются, ничего уже нет—клад скрылся. Так никто до сих пор и не может воспользоваться зарытым богатством. «Дьячок Евлампиич рассказывал, - повествовала одна женщина из д Ульково, Костр у.,—как искали раз клад на «Борани» (Бораньи горы, верстах в 7 от деревни). Лежит здесь большущий белый камень, а под ним сундук Одна парния копала, а другие сидели дома с каким-то странником «ворожцом», который читал в то время по книге (заклинания) Подкопались, вывесили камень, ощупали сундук со скобами и рассюрились. Дедушка дьячка говорит: „я и на Елашку часть возьму», денег то. А другой говорит: «как же? сейчас!».. Сундук-то как застучит да из рук-то и ушел. Так и не поймали. А ворожец в те-поры читал-читал да как хлопнет книгой. «Ну, говорит, толку не будет!—а сам из избы марш. Бабы тоже потом сидели туда, царапали зем.ю—на нас-де не выйдет-ли»?.. «Странник-то все говорил солдаткам,—добавил один из слушателей,—найдете клад, будет в семье лад (согласие)».

Тот же мотив наказанной жадности звучит в таком рассказе. «В Леонтьево (д. около с. Молвитина) жили в одном доме старики. Собрался как то старик к завтрене, вышел на двор, смотрит—стоит белая корова. «Господи помилуй!—думает, чу,—откуда у нас белая корова, с роду не бывала. Воротился в избу, говорит старухе: «чью это ты корову-то запёрла у на?»—Да что ты, Господи помилуй, какая корова? Пошли смотреть, ан коровы то нет, а из под навозу поднимается котел с золотом, сверху соломкой забросано. Схватили они скорее лукошки, корчаги, кринки—давай насыпать. А в это время подходит к воротам сосед, постучался и говорит: «эй, сват, пойдем к завтрене!»—с вечёра еще они уговорились вместе итти в перковь. Пожадничал тот:—нет, говорит, не пойду, нёшто мне не здоровится ночне. Клад-то—у-у-у-у! в землю и ушел. Побежал старик за соседом за другими кликать: «клад,—говорит у меня на дворе сейчас был!» Стали рыть—ничего не нашли. Не ворок пошло богасьво-то им, скоро померли. А дочь у них была так с'ума сошла, на цепи сидела, все деньги-то тогда и перетаскали у нее. И место, где дом был, теперь пьльем да крапивой поросло» (рассказ М. Соловьевой, 14 дек. 20 г.).

Приведем еще один рассказ о наказанном корыстолюбии, рассказ притом содержащий в себе сразу несколько излюбленных мотивов, об'единенных и сплоченных механически в одно целое местной фабулой.

Рассказ этот любопытен, с другой стороны, так же и как образчик записи, сделанной грамотным начитанным крестьянином. «Каревский клад, положенный Иваном Фадеичем, многим показывался, а в руки не давался. Один лихачевский мужик, который все время думал о кладе раз ночью только что заснул, как услышал голос, который ему говорил: «Завтра утром иди в Карево, подойди от вашего поля к болоту, тут увидишь подсочаную березу, от березы поверни влево и иди 72 шага прямо на сосну двояку, когда подойдешь к сосне, то поверни опять и иди на выкорчу, от выкорчи на восток отсчитай 33 шага и стой, глазами не мигай и тут ты увидишь то, об чем ты всегда мечтаешь. Но сначала ты должен взять с собой еще троих бедных соседей, с которыми и иди». Не успел голос замолкнуть, как мужик вскочил на ноги и стал обдумывать, как приняться за дело. Но сколько он ни думал, но его выходило, что брать с собой никого не нужно, к тому же он был очен жаден и скуп. Так он и решил идти один Только что стало брежжиться, как он двинулся в путь, стараясь все проделать так, как ему говорил голос. Местность он знал хорошо, но, несмотря на это, он много раз, сбиваясь с дороги, обсчитываясь в шагах и поворачиваясь не в ту сторону, долго не мог попасть к сосне двояке. Но вот и солнце взошло, и он очутился на месте; и когда он уставился на опушку болота, то первое, что он увидал—был огромнейший сруб, запущенный в землю почти во самую крышу, которая вся поросла зеленым мохом. В одной стене была толстая дверь, отворенная настеж, в пробое висел отпертой замок огромных размеров. Внутрь погреба он посмотреть не осмелился. Но вот солнце сквозь деревья, стало просвечивать на опушку болота, покрытого зеленым мохом, и тут-то наш мужик остолбенел как истукан и он гладел, действительно, не мигая. Вокруг его на протяжении нескольких сажен в моху освечали и искрились невиданные им предме ты. Вот у самых его ног на зеленом моху горят кучи золота, тут есть всякие вещи, как-то: кольца серьги, браслеты, запонки, застежки, сосуды церковные, ризы с икон и много таких вещей, которых мужик совсем не знал Дальше в моху искрились разных цветов камни и такое их тут множество и так сильно они блестели, что совершенно нельзя было на них смотреть. Дальше были кучи серебра, ковши, разные блюда, ендовы, ставци и многие другие предметы За серебром лежало разное оружие и все также отделанное серебром и золотом. Наш мужик чу ь не сошел с ума ото всего им виденного, да и было от чего сойти! И вот он, не долго думая, нахватал себе вещей столько, сколько могли вместить его карманы, а потом бросился бежать домой за лошадью, де-скать много-ли я на себе то унесу. Дома никому ничего не сказал, заложил лошадь, взял мешков да и был таков. Приехал он к Карьевскому болоту, привязал лошадь к березе, взял мешки и пошол к тому месту, где видел клад. Вот подходит он к срубу и смотрит туда, где лежало золото и камни, но увы!—ничего уж нет. И сколько он не бегал по опушке, ничего не мог найти. Он взглянул на погреб, погреб был не заперт, но когда он подошел ближе, то тотчас же и отскочил со страшным криком назад—в самых дверях погреба лежала и таращила глаза на мужика огромная лягушка да такая большая, что не меньше большой коровы. На мужика напал такой ужас, что он опрометью бросился бежать, а когда приехал домой, то вспомнил, что он набрал полные карманы золота, но вместо золота оказались битые черепки и гнилушки». (сообщ. кр-н д. Афонасовка, Костр. у., Н. В. Ячменев, 11 февр. 1921 г.).

Бывают клады, положенные на 5 или больше годов. Это значит, что первые пять человек, увидевши клад, должны от испуга умереть и

он достанется шестому. Толкуют это заклятие и таким образом: желающий воспользоваться кладом должен убить сначала пять человек, а потом искать клад. «На Балчуге, в Галиче, в корабле зарыты, говорит, сокровища Шемяки «на 12 молодцов и 12 жеребцов». Во время крепостного права один помещик, желая воспользоваться этим сокровищем, поставил там и молодцов и жеребцов—отборные молодец к молодцу и жеребец к жеребцу. и велел выходить кладу. Клад кверху тронулся, а жертва в землю пошла. Клад со звоном идет выше, а молодцы и жеребцы по колено в земле. Заплакали молодцы, жеребцы заржали. Дрогнуло сердце помещика. Жалко ему стало своей жертвы и он громко крикнул: «будь ты проклят, клад, отныне и до века». Загремел клад, опустившись на дно, а молодцы и жеребцы воротились наверх». Таже полузабытая легенда о заговоренном кладе на Балчуге в Галиче, в этом центре кладовых сказаний, передавалось так: «Нужно, рассказывали, чтобы вышел этот клад, наговаривать: «12 молодцов на 12 жеребцов!» Молодцы уйдут в землю, а появятся 12 золотых жеребцов; затем продолжать: «12 девиц на 12 кобылиц!» — появятся золотые кобылицы. (Расск. А. П. Белоруссов, 17 стр. 1921 г.). В реке Тебзе в омуте Огоревом (Галич. у.) есть по преданию клад: бочка с золотом. Но, чтобы достать ее, нужно опустить туда двойни—брата с сестрой—Ивана да Марью» (И. Иванов—Суев. крестьянин. «Родина» 1892, № 28, 948—949 стр.). Красивую легенду передают в Галиче о кладе, что лежит в озере. На клад положено страшное заклятие — нужно закопать первенца-сына в землю, тогда из озера появятся 12 кораблей, нагруженных несметными драгоценностями. Сам алчный до денег Шемяка, князь Галичский, задумал сделать попытку добыть клад, не пожалел и сына. Корабли стали уже показываться из воды, когда он закапывал сына, но прибежала мать ребенка успела вытащить его из ямы—и корабли вновь на глазах у всех погрузились в озеро.—Вообще, по части ужасов заклятий народная фантазия не знает пределов. «Рассказывают, что однажды на берегу Волги в лесу разбойники захотели зарыть в землю добытое ими сокровище, они положили его в бочку и зарыли на берегу. Затем решили, что нужно кого-нибудь поставить сторожем богатства, но никто не решался. Тогда бросили жребий, который и пал на одного несчастного. Они привязали его к дереву, дали в руку ему саблю, и, отъехав в лодке, на средину Волги, дали по привязанному залп, сказавши: «кто берег с берегом сведет, тот и клад возьмет». Все это видел и слышал прохожий, случайно застигнутый ночью в лесу и близ того места остановившийся ночевать. Когда разбойники уехали, он, дрожа от страха, пошел к тому месту, где находился клад и растрелянный разбойник. К его ужасу и удивлению, оказалось, что разбойник был убит; но когда он приблизился к нему сажен на пять, как разбойник ожил и, размахивая саблей поводил сверкающими глазами. Но когда он отошел от разбойника на значительное расстояние, как разбойник снова превратился в труп. Прохожий, придя в деревню, рассказал страшное приключение и нашел кладозарывателя, который соединил оба берега ружейным выстрелом» (И Иванов—Суев. кр., 948 стр.). По обоим сторонам Ветлуги-реки в Костромских и Нижегородских пределах зарытые с заклятиями Стенькой Разиным богатства «стерегут легионы бесов, которые или отводят глаза кладоискателям, или нагоняют на них великий страх» (Ф. Нефедов — Былина о Ст. Розине, разбойнике, богатыре и чародее. «Этногр. Обозр» 1899 г., №№ 4, 95 стр.).

В иных случаях на кладоискателя нападает сон: «Отправились раз под Иванов день копать клад в бологе «Вормас», стали копать,— костер

бревен тут был,—клонит и клонит их сон. Только бы докопаться, свалились да и проспали до 12 часов другого дня». (Рассказ А. У. Балдина, д. Вязовка, Коверн у., 28 нб. 1920 г.). «Копали мужики клад на овраге у с Романова, Кс. у., докопались до сундука и уснули, а клад снова засыпался землей». (Запись 6 дек. 1920 г. от непосредственного).

Заклинательной формуле народное верование приписывает магическую силу, все равно как и благословению родительскому, на веки нерушимому. Одна сказка, записанная в Ветлужском уезде, рассказывает, как «один сын не почитал отца; вот тот перед смертью за его непочитание и задумал лишить его наследства, взял деньги, ушел и спрятал их в дерево с наговором, чтобы достались тому, кто отца и мать почитает, а сын это подсмотрел и как старик умер, то он отправился и срубил то дерево; а оно стояло на берегу реки и повалилось прямо в воду и течением его понесло. Мужик идет за ним: подожди, думает, ведь где-нибудь да прибьет. Однако его не прибивает, а все несет да несет, а на берегу у того места пилили пильщики дрова, переняли дерево и выкатили его себе для дров. Вот мужик и думает: все равно от меня не уйдет. Нанялся у них пилить и то дерево поскорее распилил и расколол, а денег все не мог заметить. Пришла хозяйка одного пильщика, набрала из его кучи охапку дров и ушла печку топить. Как прогорело полено, так деньги и рассыпались. Собрала их хозяйка и сказала о том мужику, и решили они частью их поделиться и с мужиком; вот хозяйка запекла часть денег в хлеб и дала после работы и расчета с ними. А он в дороге променял хлеб. польстившись на какую-то выгоду. Так и не досталось ему ничего из отцовских денег». (Зап. А. А. Ширский, Вет. у. 1901 г.).

Заговор употребляется, как известно, и во спасение и на погибель. С одной стороны, необходимо иногда бывает охранить себя заговором, с другой надо знать положенный на клад зарок. «Одна богатая старуха умирала,—при жизни она деньги свои куда-то прятала. Пред смертью родственники ее приступили к ней и все спрашивали: куда она девала свои деньги? Но она так и умерла, не сказавши. У этой женщины был пяти лет мальчик, который в это время все слышал и видел, а по смерти матери оставался один однехонек. Не зная к кому приютиться, он и говорит родным: «возьмите меня к себе, тогда я и скажу, где она положила свои деньги». Когда родные обещались взять мальчика к себе он сказал им, что она клала деньги в подполье под какую-то половицу. Родные подняли половицу и видят деньги на земле в подполье; но когда хотели взять их, деньги никак не давались. Видя, что деньги им никак не даются, мальчик и говорит: когда мама клала их, то говорила: «чья рука кладет, та и возьмет». Услышав это, родные стащили покойницу под пол, ее рукой взяли с земли деньги а потом ужь из ее руки взяли себе». Это нежелание расстаться с тайной клада даже накануне смерти объясняется глубокой верой, «что и на том свете они могут пользоваться тем имением, которое при жизни утаили от других» (И. Иванов-Суев. Кр. 949 стр.).

Как ни крепки и ни страшны иные зароки, их можно обойти, вложив в словесную формулу другое толкование и в действие—иной смысл, нужно уметь «перезарочить». «У Бычихи тут где-то (с. Бычиха, Кострост. уез.) помещик зарывал клад. «Кладу,—говорит,—сокровища, вас на 100 голов». А один усмотрел это. Как тот ушел, срубил 100 кольев поставил их кругом и говорит: «вот вам, сокровища, 100 колов». Клад сейчас же и вышел. (Рассказ М. Ерунова, кр. Андреевской вол., Кострост. у.), 1 авг. 1920 г., срав. И. Иванов-Суев. Кр.). Тоже самое записано в дру-

гом конце губернии—в Ковернинском у. А. М. Белоруковым. «Клады клались под гароки: штобы откопать какой, нужно зарок ево сперва узнать. Вот и говорят—один человек положил клат под такой зарок: лежи, клат, под сто голов.—Значит нужно зарубить сто жистей, штобы клат тот дался. Другой знал зарок и перезарочил уш так: лежи клат, под сто дерев —А третий услыхал этот зарок, срубил сто дерев, маленьких хошя бы, ну, клат ему и дался». (Зап. от И. К. Каллистратова 3 дек. 1920 г. Рукоп. А. И. Белорукова—«Ковернинский уезд»). Тот же рассказ передавали в с. Туровском, Галич. у. Рассказывают также, что в подобных случаях можно заменить человеческие головы другими, напр. куриными. Словом, можно надуть самого черта. Вероятно, подобная загадка или просто шутка указывающая на недоступность клада, кроется в таком рассказе: у села Галкина, Варнав. у., под старой сосной положен разбойниками большой клад. Он достанется тому, кто сумеет влезть на сосну вверх ногами, держа в то же время мешок с пшеницей. Или: около Плеса положен бурлацкий клад, достанется тому, кто чашку сопли съест. (Сообщ. И. А. Рязановский).

IV.

Клад дается не каждому и взять клад надо умеючи. Существуют особые приемы для разыскивания кладов и специальные заклинания. В XVIII ст. у одного Костромского попа, Григорья Елисеева, были какие то особые на этот предмет „планетные тетради". Царевна Екатерина Алексеевна, сестра Петра I, одно время предалась страстному исканию кладов. Тайно она завела сношения, между прочим, и с Гр. Елисеевым, который, повидимому, пользовался широкой славой в этом отношении. На допросе Гришка признался, что у него были планетные тетради и что по планетам он клады узнает, а царевне говорил обманом ради взятки. (С. М. Соловьев – История России, кн. III, 1375 стр. Столбцы Преобр. приказа №№ 751, 1035). «У нас в деревне у одного мужика была книга,—рассказывал какой то красноармеец Н. Шагину,—по которой можно было узнать про все клады и там сказано, какой клад как вырыть. По этой книге показывало ему, что у него на дворе есть клад и клад очень богатый. И вот он один раз в 12 часов ночи стал рыть на своем дворе клад. Сначала он вырыл гроб с покойником, а по книге ему показывает, что дальше есть сундук с деньгами. Когда он стал рыть дальше, ему показывались змеи и всякие звери, но он этого не страшился и все рыл. Дорылся до какой-то чугунной крышки. В это время жена вышла на двор и крикнула: «что ты делаешь?» Он испугался, клад исчез и яма пропала, а он сошол с ума. На другой день пошол сушить ригу, а жена пришла посмотреть—высушил-ли он ригу или нет. Он схватил ее и бросил в печ и она сгорела. Тем и кончилось». (Зап. Н. Шагин, 20 янв. 1920 г.).

Два способа добывания кладов, неизвестно откуда извлеченные м. б., из какого нибудь сборника народных заклинаний, встречаем в Дневнике И. Д. Преображенского. «В минуту, как солнце показывается над горизонтом взять левой рукой ветку дикого орешника, нанести ей три удара топором, приговаривая: «срубливаю тебя во имя Слонима, Мурафона, Адонаи и Силисфория, да вселится в тебя сила посоха Моисеева и Иаковля и да служишь ты мне для открытия всего, что я хочу знать» Затем взять за два конца и произнести следующие слова: «Приказываю тебе во имя Слонима, Мурафона, Адонаи и Силисфория

открыть мне (указать, что желаешь знать)». Другой способ, придуманный, повидимому, тем же грамотеем: «В первую среду лунного месяца между 11-ью и 12-ю часами ночи, подойти к огороднику и выбравши молодой побег срезать его новым ножом, произнося слова: «во имя Слонима» и т. д. Затем нож поднять кверху, благословить ветку и на толстом конце ее написать: Aglst, по средине—ont, а на тонком конце—Tetrahvammotont (?). После всего произвести: Conjuro te cito mihi obedire (заклинаю тебя мне повиноваться скоро). Палочку взять за концы и вилашкой кверху. Форма палочки должна быть в виде римской цифры V». Повидимому эти заклинания шли к ним с Запада.

При работе кладоискатели употребляют иногда щупы, или отправляются на работу вдвоем—из них один ударяет по земле тяжелым деревянным молотом, а другой слушает, приложивши ухо к земле—деньги, говорят, должны звякнуть, когда над ними ударят. Передают, что кладоискатели употребляют какие-то волчки со стрелкой и упорно уверяют, что своими глазами видели, как они действуют. Возможно, что это компас археологов, употребляемый последними для снятия карты местности, направления могильника и т. д., принятый простодушными зрителями за чудесный волчок, или быть может действительно употребляющееся кладоискателями какое-н. видоизменение весов Юза. Само собой разумеется, классический папоротник—„Иванов цвет“ и другие чародействующие травы играют роль при отыскивании клада. Папоротник цветет на Ивана Купала (24 июня). «Сначала затрещит, а потом лопнет и расцветет» Кроме огненного цвета папоротника некоторые другие травы имеют также подобную волшебную силу: прыгун-трава, разрыв-трава или плачеразрыв. «Сорванная с огнем она отворяет замки, разрывает самые крепкие цепи» (И. Иванов-Суев. крестьян. «Родина» № 16 и 28) Добыча папоротника и других трав сопряжена также с трудом и опасностью, нужны и здесь мужество и отвага против дьявольских ухищрений и козней. Подробных наставлений, как искать цвет папоротника, а потом с ним клады, здесь нам не передавали, говорили лишь, что клады лучше всего искать с ними на Ивана Купала или на Христов день в Святую ночь. Говорят, что кладоискатели употребляют свечу из человеческого жира «без этой свечи, по сказам, клад не дается» (Ф. Нефедов—«Клад»).

Нередко клады ищут по «записям», которые пишутся в форме завещания на чье-либо имя с подробным перечислением зарытых вещей, составляющих клад и с подробным указанием места и даже планом. Рассказов о таких записях очень много. Напр., по народной молве, на Богородском городище, Варн. у., зарыт клад, существует и запись, где найти его. Но у кого эта запись хранится—неизвестно. «Близ с. Ильинского, (Коверн. у) давно положены клады разбойниками, которые имели около села свои притоны. Было у крестьян и письмо с точным указанием примет места кладов. Письмо это прислано в 1685 году из Сибири разбойником своему другу укрывателю. В письме вместе с приметами кладов была просьба выкопать их и половину переслать ему, разбойнику, так как он терпел крайнюю нужду. Тогда почему-то не нашли клада»... Очень близкий вариант передавался в другом конце губернии. «В селе Никитском (Нерехт. у.) жил один мужичек. Сродственники его были сосланы в Сибирь, за какую вину, я не знаю. Через несколько времени прислали ему письмо и описали в письме: иди за село Осенево в лес, разыщи там показанное место и копай, выкопаешь денег, которых хватит на весь век тебе и сродственникам твоим. Когда будешь копать, попа-

дутся тебе предметы: два ружья, шашка и два левольвера, докопаешься до слани, под ней кошелек с деньгами». Он выкопал два ружья, шашку и револьвер, докопался до слани, но дальше ему помешали в этот раз. Когда он, спустя некоторое время вторично пришел копать, слань была уже снята и кошелька с деньгами не оказалось (по записи Н. Шагина, с рассказа кр-на Жижонкова, 10 янв. 1920 г.) Была, рассказывают, также рукопись, но где она в настоящее время неизвестно, про клад в Ильинско-Заборской вол. Макар. у. В 12 вер. от д. Андреевки есть место „Столбиха", в коей, говорилось в записи, существует канава, от конца которой 6 сажен в восточную сторону колодец, в который запущено дупло и в нем скрыто древнее оружие. От последнего колодца еще 6 сажен по отвесу — под камнем около 3 пудов серебра, 12 фунтов жемчуга, серебряной и золотой посуды (Дневник И. Преображенского, 1890 г.) Очень много лет тому назад из Каликинского прихода приходил сюда солдат,—пишет учитель Ф. Сахаров из с. Бушнева, Чухл у.— Солдат сообщил жителям, что в нашем селе спрятан большой клад. Солдат этот приносил с собой медную доску с указаниями, где и как отыскать клад. Руководствуясь указаниями, написанными на доске, он пришел в наше село. В числе других признаков на доске значилось, что в яму, где спрятан клад запущен обруб из сосновых и дубовых бревен, правильно чередующихся в таком порядке: бревно дубовое и бревно сосновое, потом опять дубовое и т. д. и что тень от креста церковной главы при закате солнца в равноденствие падала как раз на место клада. Так как расположение построек села в то время уже изменилось, церковь была построена на другом месте, то солдат, руководствуясь только доскою, не мог точно определить место; а местные жители, знавшие прежнее расположение села, постарались скрыть это. Больше всех старался об этом живший в то время дьячок Алексей Иванов, славившийся своею начитанностью знакомый с знахарями и слывший чернокнижником. Он сам хотел воспользоваться кладом и лишь страшные последствия удерживали его исполнить свое намерение, так как известно было, что человек, который пожелает овладеть кладом, непременно помрет, больше того—даже село и целый уезд постигнет страшное бедствие. А клад настолько велик, что им могли бы обогатиться жители всего уезда. Место это всстари называется «Колодчиком». Спустя несколько лет при церкви началась постройка. Рабочим потребовалось много воды, которая была бы под рукой Нужно было выкопать пруд или колодезь. Не зная о существовании клада и не желая раскапывать целое место, стали они разрывать этот колодчик. В земле, действительно оказался сруб из сосновых и дубовых бревен. Дьячок Алексей Иванов наблюдал, сам не принимая участия в работе, полагая воспользоваться богатством после смерти рабочих Копая дальше, рабочие натолкнулись на точило, а на глубине сажени в $1^1/_2$ встретили большую во весь обруб каменную плиту. Поресшили, окопав землю, вытащить плиту и продолжать работу дальше. Днем этого сделать не успели и оставили до утра Ночью же пошел сильный дождь и налил полную яму воды. Рабочие, получивши нужную им воду, прекратили раскопку; а дьячок, так старательно следивший за раскопкою, постарался извлечь возможную пользу из того, что было сверху плиты: перетаскал дубовые бревна к себе и понаделал из них много лопаток для точения кос. Богатство же и по сие время лежит под плитою».

Б. Гласко в отчете своей поездки по Буйскому уезду дает довольно любопытную картину раскопок клада близ границы Буйского уезда

в двух верстах от села Каменки (Вологодской губ.). «Прошлым летом производились раскопки на купленной крестьянами земле Сохранилась легенда, что на поле близ Каменки после сражения гетмана Лисовского с русскими войсками был зарыт обоз со всем награбленным и собственным польским золотом. Об этом будто бы сохранилась хроника в одном из польских монастырей западного края». Один беглый монах, бывший на послушании близ западной границы, узнал об этой летописи, в которой рассказывалось о сражении на этом месте поляков с русским воеводой кн. Черкасским. В результате отступление поляков ночью из обоза, в котором они перед тем «сидели» три дня. Чтобы золото не досталось в руки москвитов, гетман приказал его ночью зарыть, отмерив от стоящего по направлению к Каменке дерева 20 шагов на восток, по направлению к начинающей заниматься заре...» «Чтобы знать место, где золото зарыто, решили зарыть в землю столб, закопать его и поверху столба положили конскую подкову и серебряный московский рубль. Хроника, как уверяли, была переведена латинскими монахами на русский язык и список ее был вручен вышеупомянутому беглому монаху. Последний,—правду-ли он рассказывал о хронике или нет,—прибыл в Буйский уезд и купил десятину земли, где по указаниям хроники, должен был находиться клад».

Но так как денег у него не было, он сообщил крестьянам о том, что в купленной им десятине зарыты миллионы золота с польских времен, рассказывал о хронике и даже показал ее им. Крестьяне этому охотно поверили, так как слухи о кладе в этой местности ходили еще прежде. Тогда он предложил крестьянам «вложить» в дело добывания клада по одному рублю с человека. «Нашлось до сотни охотников. На одну неделю «золотая лихорадка» охватила весь Ферапонтовский приход»... «На поле близь Каменки есть два три возвышения на подобие покатых холмов. Дерева, о котором якобы упомято в хронике, на этом поле и близь него нет. Но владелец нашол корни какого-то дерева (впрочем, не одного, а нескольких и в разных местах). Поэтому решили копать в разных местах всю десятину, на каковой лишь по праву частной собственности могли производить раскопки»... «Среди баб распространился слух, что на клад лежит запрет. Копали две недели и в заключении почти на краю поля нашли остатки прежней кузницы. Как на беду в кузнице был сделан в земле деревянный столб, а на столбе нашли новешенную на отбое железную подкову новейшей инструкции. Это окончательно сбило с толку крестьян и раскопки сосредоточились близь кузницы. Конечно, не нашли. Тогда пришли к убеждению, что клад уходит в землю и решили сделать вокруг него крестный ход. На этом раскопки и остановились»...

Священник с. Сокольского (Ковернин. у.), о. Петр Махровский,—передает в другом месте своего дневника И. Д. Преображенский,—видел и читал на толстой бумаге рукопись, в которой написано: в Кологривском уезде в с. Николо Мокрый с колокольни снято колоколо. Переехать через р. Унжу, отойти по прямому пути несколько сажен, будет озеро и от озера своротить и будет толстое дерево, а под ним положено колоколо и деньги. Вблизи есть будто бы остаток старого строения. (Дневн., 1 авг. 1891 г.). Таким образом если не сами записи, так рассказы о них довольно часты. Но имеются действительно и ходят в народе самые тексты записей.

Несколько текстов подобных записей приводит в своем дневнике И. Д. Преображенский. «Запись о кладе с старой руко-

писи»—автор к сожалению не указывает, где и какая эта рукопись, во всяком случае она дает список записи далеко не исправный: «Вверх по реке..., где пала река Шомохта, по верхотине Шомохты реки и где пал в овраг будет (Буев?) и где пошед оного Буева верхотине и где пала Шуршма, в этой верхотине Шуршме реке на правой стороне и есть каменная заклядь в пояс человеку, и двои ворота и при той заклади было у нас жилище и от того жилища в ночную сторону и пошед недалече и есть превысокий холм, и на том холму стоят четыре сосны. На первой сосне проделано сверлом, на другой против ее также и между теми соснами лежит пильтов (?) камень, а под тем камнем лежит посуда медная и серебреная. От того холма в правую сторону вырезана харя человеческая и на другой сосне харя вверх ногами и от оной сосны прямо вырезан человек с луком и стрелою и от той приметы были наши походки тесовые и келья потаенная, у оной кельи на углах четыре пихты саженыя, которая всех выше к востоку, тут и казна вся наша». Запись, повидимому, сделана на разбойничий клад. Другая запись о кладе, к сожалению, дошедшая в очень отрывочном испорченном виде, также из Дневника, повидимому, говорит о разбойничьем кладе и интересна с той стороны, что разбойник, сознавая греховность своей жизни и ответственность за проступки в загробном мире надеется, что молитвенная память и вклады в церковь помогут его душе: «Против г. Юрьевца против самого базара за монастырем по р. Кувшинихе вверх есть место, называемое «Овин Дрянкин», от того овина на восток, 12 часов, дубовый старый пень, от того пня к яме овинной девять аршин есть выход, в том овине закопано наше все добро деньгами (дальше оторвано) восемь... и два... дубовый трех.... чугун в оном ... с половиной.... тенья запон... серег..... При том же вас прошу, Анна Тимофеевна, как станете вынимать и была бы с вам девица, которой дать часть таковую изо всего или что ей вздумается, Бога ради не заделите друг друга, а ежели кто более возьмет, то тот скоро помрет, да сверх же всего прошу, Анна Тимофеевна, отдать к Печерской (церковь в г. Юрьевце) тридцать целковых, Смоленской Одигитрию... (1 мая 99 г.). Особенно широко распространена запись о кладе на р. Кокше, (или Какше), несколько раз записанная в разных уездах. И. Д. Преображенскому эту запись сообщил Я. Беляев: «Повыше села Воскресенского 8 верст выпала река Большая Кокша, вверх по Кокше есть деревня (теперь пустош) Ченебечиха, от Ченебечихи 3 версты есть Подборная грива, от Подборной гривы верст двадцать вверх по Кокше есть Быково озеро не очень велико продолговато, один конец в летний восток, а другой в зимний запад. Из озера бежит речка Медянка в Большую Кокшу версты 1½ от речки по озеру 3 кучи костей, от костей по берегу была изба пятистенная 3 ряда, выкопана, в земле против озера лестница о семи ступеней; от лестницы на берегу сосна на парьей (?) вершена и на том озере погреб в печатную сажень вышиной и шириной, в этом погребе денег два винных перереза серебра, ларь меди, на ларе сундук золота, на сундуке пудовка медная мерять деньги, двенадцать турок, 12 пистолетов, 12 тесаков, паникадило, храмовая Богородица. Кто эти деньги найдет, паникадило отдать в Вознесенскую церковь, а Богородицу в Шляпинской скит, да выстроить семипрестольную церковь и еще останется выстроить город. Кто сделает истинную правду и друг друга не обманет, то и можно получить». Шляпинский скит был около Белбажа, где теперь деревня Шляпино, а Вознесенское ниже г. Ветлуги. Запись эта распространена очень широко среди местного

населения. И. Д. Преображенским она сделана в 1891 г., в следующем году о ней упомянуто во II вып. «Костр. Старины» (И. Миловидов—Дополнит. сведения о древностях, 76 стр.). Позднее в анкете Костр. Архивной Комиссии 1899 г. волостной старшина Никитин, между прочим сообщает легенду о кладе близ р. Кокши при Быкове озере и то, что описание и план местности имеются у крестьянина починка «Новая Речка» М. И. Скопина. В церковно-приходской летописи с. Какши находятся некоторые подробности относительно этого клада: «около Быкова озера будто бы есть большой клад, где много церковной утвари из Великого Устюга и других мест; на высокой рамени находили старые ружья, кинжалы и проч. Сохранилось также предание, будто бы прибежавшие сюда жители имели частые стычки с разбойниками, которые везде грабили»... Особенно любопытны сообщения об этом кладе в Этнографических записях 1909 года А. А. Ширского: «Быково озеро близ Чинибечинской мельницы. Есть старые росписи про клад. В озеро впадает речка Медина. Клад состоит из пивоваренного котла медных и серебряных вещей, ружей, бочки масла и боченка с золотом в озере. Есть еще озеро «Соловецкое» (речка и чрез него протекает). У того озера бор «Белая грива». Там было станбище разбойников, в старину сохранялись и дубья, которым они молились—на дубах резьба—вырезаны лица и полукруг месяца (самых разбойников не помнит—нашли только их станбище)—кучу костей видели, амбар был срублен. Еще был врублен в дерево старинный крест медный. Ходили разбойники грабить на Устюг (откуда принесли дорогое паникадило) и на Волгу—на Лялины горы. Это рассказывала леснику Тихомирову кр-ка д. Минино (принятая в дом) она статуи сама видела—теперь дубья посели и статуи уничтожены на лопатки и в дрова». Копия записи еще раз была снята в 1919 году где-то в Макарьевском уезде с рукописи, к которой приложен и план местности. Автор списка, с которого снята копия делает догадку, не получило-ли означенное озеро свое название от разбойника Быкова, трагическая судьба которого известна, между прочим, из воспоминаний доктора А. И. Ильинского, (за полстолетие 1841—1894 г. Воспоминание о пережитом. «Рус. Стар.», г. XXV, февр. 1894 г., т. 81, стр. 66 - 69). Вся местность у оз Быкова и в «Подборной гриве», по словам очевидцев, изрыта кладоискателями, ежегодно с разных сторон приезжающими сюда летом и осенью.

V.

Несмотря на отличительные особенности в жизни и воззрениях жителей различных областей России, часто можно встретить в отношении рассказов о кладах один и тот же склад и характер преданий, одни и теже сюжеты и мотивы, одинаковое настроение и отношение к этому явлению в разных далеко раскинутых друг от друга местах. Можно указать целый ряд бродячих кладовых сказаний, которые можно встретить почти всюду. Так, напр. повсеместно распространено представление о кладах в виде огоньков, животных и людей, сказания о кладах заклятых на определенное количество голов и потом перезароченных встречаются кроме Костромского края в таких отдаленных друг от друга пунктах, как Симбирская, Черниговская губ. и Латвия; рассказ о братьях—одном богатом, другом бедном, которому «бог подаст» встречается и в Новгородской, и в Самарской, и в Воронежской губерниях и т. д. (см. При-

ложение I). В тоже время, любопытно, что в Костромском крае ни разу не отмечено широко распространенных по всей Украине сказаний и преданий о кладах разбойника Кудеяра. Граница этих сказаний проходит значительно южнее (от Саратовского поволжья через Орловскую губернию и до устьев Десны). За то с особенной любовью группируются народом здесь старинные предания о Разине, хотя поле его деятельности было значительно южнее. Таким образом, многие из приведенных здесь сказаний нельзя рассматривать, как произведения местного народного творчества. Но откуда бы ни пришли эти сюжеты, они пришлись по вкусу, приурочились к местным географическим пунктам, вошли в местный обиход, получив типичный костромской колорит и черты быта Костромского края.

Выяснить географическое распространение типичных сказаний и выделить чисто местный элемент во многих случаях затруднительно в виду недостатка собранных по России материалов. Более возможным представляется выделение поздних и степенных наслоений.

Сказания и записи о кладах указывают, между прочим, на народные представления о происхождении кладов. Повидимому, сказания о зачарованных кладах, носящие в себе сказочные архаические черты, сложились в более древнее время, когда особенно сильна была вера в волшебные таинственные силы природы. Сказочно-чудесный элемент не изчез совершенно из этих сказаний и тогда, когда изменился самый взгляд на клады, как на бытовое явление: старый люд клад в землю нажитое добро, чтобы сохранить его от других людей. С легендой тесно переплетается предание, получившее основу в действительности. В морализующий рассказ входит исторический элемент. Поэтому в сказаниях о кладах можно различать несколько исторических (и даже одну доисторическую) кладовых эпох.

Наиболее древняя историческая эпоха, почти совершенно изгладившаяся из народной памяти—эпоха татарская. Она отразилась в отношении сказаний о кладах лишь несколькими краткими рассказами.

Под с. Ухтубужем, Кологр. у., на берегу р. Унжи существует громадный курган. По одному сказанию, этот курган был насыпан во время нашествия татар и служил местом склада денег, вещей и оружия. На р. Немде на правом берегу ее при впадении в Волгу в тальниках есть огромный камень. На 40 шагов на восток от него и потом на 40 шагов на юг—громадный клад от времени набегов татар. (Дневник Преображенского, 27 мар 91 г.).

Вообще набеги татар, по летописным и другим историческим данным несколько раз вторгавшихся в пределы Костромского края (с XIII до начала второй половины XVI столетия), несмотря на ужасы разорений, какие они несли, в народной памяти значительно потускнели, заслоненные последующими событиями. Четкость, так, сказать, исторических фактов за дальностью расстояния исчезла. Кое где, однако, указывают урочища, связанные с событиями татарских набегов. В Нерехтском уезде у с. Борщовки в местности «Могильцы», по преданию, происходила битва русских с татарами. (В Пирогов—Сведения о курганах... «Костр. Ст.», вып. I, 138 с.). У пустоши «Боридовой» близ д. Попичево, Солиг. уез., на левом берегу р. Костромы при впадении в нее р. Векси указывают «Татарскую крепость», представляющую собою небольшую четырехугольную площадку, а невдалеке отсюда на р. Костроме—«Татарский

брод». «Татарские наволоки» носит название местность у с. Чудны, Солиг. у. Предание говорит, что татары, двигавшиеся к Солигаличу стояли здесь зимой лагерем, вырубали лес, строили избушки-зимовки. Здесь, между прочим, имеется группа небольших курганов. В д. Городишево того же уезда рассказывают о разворении когда-то здесь бывшего города татарами (или по другому сказанию, литвой). У села Мундорово, в том месте, где «Одоевское Городище», была в старину церковь, которая пр валилась вместе с татарами и богомольцами, убитыми ими. Здесь обнаружена Нефедовым стоянки каменного века (См «Костр. Стар.» вып. I, 117, 127, 140 стр.: Изв. И. О. Л. Е., А. и Э. Труды Антроп. отд., т. IX. вып. 3, 1890, 499 и сл.). Близ с. Боговского, Макар. у., есть пустошь «Татаркино», где будто бы стояли лагерем татары. Близ с. Тимарихи, Макар. у., известна «Татаркина могила», с которой связано много легенд (между прочим, некоторые из них напечатаны в VIII вып. «Трудов Костр. Научн Об-ва»). О татарах помнят и по Волге в Решме и Кинешме, где рассказывают о разворении этих мест татарами. По одному преданию, с. Куниково, Костр. у., образовалось последователями, скрывавшимися от набегов татар в здешних непроходимых тогда лесах. (Сообщ. П. Панов, 1900 г.). Помимо этого, на следы татарских влияний в крае указывают многочисленные названия населенных пунктов Костромского края от слова татарин или от корней татарских слов. Таковы: Татариново (6 деревнях в уездах Кн., Кс., М., Ю-з), Татаринский поч. (Кл. у.), Татаринцево, (3 деревни Б., Кн. и Н уу.), Татариха (2 дер. Ю. у.), Татарка (2 д. М. у.), Татарская слобода (Кс. у.), Татарское (д. Б. и Н. уу.), Батыево (д. Ю.), Мамаево (д. Гал. у.), Сабуриха (д. Вет. у.), Сабуры (д. Кс. у.) и т. д. Само собой разумеется, что быть может большинство этих географических названий следует отнести за счет мирной позднейшей колонизации этого народа.

Значительно больше кладов относит народная память к эпохе XVII века, когда в пределах Костромского края бродили шайки поляков и литовских людей—«паны», представление о которых иногда отожествляются с понятием—разбойники. Любопытно, что в некоторых местах Костромского края никаких воспоминаний о панах не сохранилось и даже не знают самого слова «пан», напр. в Урен'ском крае Варн у., а также в Кологривском и в Галичском уездах легенд о панах не встречено, тогда как легенды о разбойничьих кладах здесь обычны. Многочисленные сказания о «панах» сохраняют в себе, как увидим ниже, элементы преданий, сложившихся в гораздо более раннюю нежели смутное время эпоху. В д. Душино, Солигаличск. у., в семье крестьянина Ф. М. Максимова сохраняется такое предание, переходящее из рода в род: в 6 верстах от деревни в лесной даче «Дичь», находятся пещеры, в которых жили паны разбойники. Несколько раз паны приходили в д. Душино к прапрадеду этого крестьянина попировать. В одно время паны были захвачены «на работе» и из тюрьмы прислали письмо к прадеду, в котором просили его сходить на их место и идя на восток от пещер в ключе взять кошель с золотом, а если от ключа итти в ту сторону, где солнце восходит в самый длинный день, так под сосной можно выкопать спрятанные два корыта с ружьями. Прапрадед Фед. Михайлова почему-то не ходил туда. Вход в пещеры уже обвалился, так что размер их нельзя определить. Кр-ин Максимов говорил мне,—пишет местный священник Н Стригалев,—что он раз пробовал, глубоко ли уйдет в землю кол в кол уходил всего аршина на $1^1/_2$, а дальше не пускало что-то твердое.

В стародавние времена,—передает одна легенда,—в окрестностях с. Валов, Макарьев. у., обитали паны, люди крупного сложения, всю жизнь проводившие в разбоях. Кладоискатели в курганах, на берегу р. Ломны и в самом селе находят костяки больших размеров, оружие и различные металлические украшения. Здесь паны мыслятся как аборигены края, не знавшие Христовой веры, так как, говорят, при костяках не встречаются ни крестики, ни другие священные изображения. В Костромском уезде о панах передавали нам приблизительно тоже. «Колодчики да Колодчики зовут заполоски одни у нас. Допрежде говорили все—человек с собакой тут выходил—это клад панской. Потом уже не казалось здесь... Давно „панов" у нас рыли, по рублю, по полтора платили. Найдут могилу, поставят волчок и роем. Находили топоры, серпы, берслеты, серги да кости. Очень кости большущие, не как у нынешних людей. Паны—старинные люди, до наших дедов жили Вправо тут от Кормилицыной усадьбы у деревни Пьяньково—«паны». Тут тоже рыли. (Очевидно, раскопки Г. М. Девочкина). Разговор такой слыхал: яма здесь есть, три камня в яме—д-к тут ужасно много клади. Не могут эту яму найти. Я тоже ходил искать» (Расск. А. А. Алексеев из д. Сулятино, Кс. у., 8 авг. 1921 г.).

В с. Дороватово, Ветл. у. передают такую легенду о панах. Паны—это не нашей веры люди, которые когда-то в старину неожиданно и неизвестно откуда появились в лесу близ д. Оксенова, в 5 вер. от села. Они нападали на жителей соседних селений, отнимали у них имущество, уводили скот и убивали много людей. Местные жители несколько раз пытались разогнать шайку панов, но не могли одолеть их, потому что они были очень сильны и хорошо вооружены. Пришлось бы много бед претерпеть от этих панов, если бы не нашелся сметливый человек, который присоветовал напасть на них с оглоблями и дубовыми колодьями. Так и сделали: панов перебили, а трупы их бросили в озеро близ реки Ветлуги, которое и доселе называется «Паново». После долго в этом озере чудилось—слышен был стон и рев, так что никто не решался близко подходить к этому месту В этом озере вода сделалась черная и даже рыба не водилась в нем. Не оч. давно от этого озера прокопали канаву до реки, вода очистилась и стала водиться рыба. После панов долго сохранялись в народе перстни, но теперь их трудно уже встретить, потому что они были неудобны для употребления—велики и поэтому переделаны на другие вещи. У панов было много золота, серебра и других сокровищ, которые где-то скрыты ими в земле. Этот клад может найти только тот человек, который возьмет с собой панову ногу. (Запис. свящ. с. Дороватова В. Ильинский). Другой вариант той же легенды сообщает, что паны пришли к д. Оксеновой из с. Николы Мокрого, откуда принесли с собой много золота и серебра, а также колокол, которым подавали сигнал к сбору на пункт. В одном из своих набегов они пришли в д. Оксеново. Здесь их уморили угаром в избе, а потом трупы их побросали в оз. Паново. Сокровища их так и неизвестно до сих пор, где зарыты. Говорят, что клад где-то зарыт на р. Нерелине, где будто-бы он ходит в виде собачки. От панов кое у кого в народе остались перстни больших размеров. (Свящ. Ф. Зайцев). Несколько иначе передается эта легенда в д. Майтихе, Ветл. у. Верстах в 30 от деревни на берегу речки зарыто 40 кош золота, 6 бердышей и 12 ружей. Есть также озвонное колоколо. Озеро Паново (верстах 12 от деревни) названо, как говорят так потому, что тут жили паны. Паны эти шли как-то в село ограбить церковь. Узнавши об этом, жители останавливали всех, кто шел молиться.

звали бить панов. Но убить их никак не могли. Пробовали отравить их угаром. Для этого в печь избы, где они располагались ночевать, набросали травы «багуну». От багуну они угорели, но остались живы. Старанья были безрезультатны до тех пор, пока один из панов не сказал, что их можно убить только трехгодовалой осью из-под телеги. Этим воспользовались и перебили их (Запись уч. А. Троицкого). Четвертая версия этой легенды дает, между прочим, одну такую подробность:—озеро выкопали паны и насыпали здесь курган. Паны потом частью были затоплены в озере, частью похоронены в поле на «Мертвяжьих заполосках». У с. Шанги, Ветл. у., указывают панские станы. Здесь, по преданию, проходили и татары и паны. В двух верстах от «панов» в пустоши «Слун» был в старину пруд, который в настоящее время затянут тиной. В нем, по народному преданию, скрыты деньги и вещи.

В Чухломском уезде также помнят о панах. Около «Идского Городища», Чухл. у., есть поляна с признаками бывшего здесь жилья под названием «Панщина», где жили какие-то *панки*, занимавшиеся звероловством и рыболовством» (Миловидов—Древности Костромского края. «Костр. Ст.» I, 118 стр.). По другому сказанию, за валами городища защищались местные жители во время нашествия поляков-панов. (В. Пирогов. Сведения о курганах, городищах... «Костр. Стар.» I, 172 в.). Особенно много рассказов о панах в поволжских уездах, где под панами разумеют чаще всего в настоящее время, может быть, благодаря книге, польские и литовские шайки смутной эпохи. «В прежнее время, когда паны ходили по русской земле,—рассказывают в Белоникольском приходе Кинешемского у., грабили имущество золото с серебром награбленное зарывали в землю. Это золото и серебро выходит кладом кому-либо из счастливых людей».

В с. Борщине, Костром. у., передавали: на том месте, где было с. Артемьево, есть колодец, в настоящее время забросанный землей и камнями, но все еще заметный. По преданию, поляки, разграбив Артемьево, сбросили туда колокол и там же скрыли клад. Были попытки разрыть колодец, но они не увенчались успехом, ничего не могли найти кроме камней. О дальнейшей судьбе панов передает другой вариант легенды: в полуверсте от с. Борщина на берегу Волги одно возвышенное место носит название «Пановой горы», когда-то покрытой дремучим лесом. Говорят, что поляки, пробираясь в Ипатьевский монастырь, долго жили тут, требуя у местных людей перевоза на другой берег Волги. Переправившись на другую сторону, они направились к Ипатию, но заблудились и все потонули в озере. Здесь легенда, очевидно, говорит об озере „Мерьском" за Ипатиевским монастырем близ д. Святое, где это название осмысливается местными жителями не как мерянское, а в смысле—поганое, мерзкое, и где также говорит о гибели в нем поляков. Другое озеро под указанной деревней называется „Святым". С. Баран, Костр. у., по местному преданию, получило свое название от того, что поляки, заходившие в село схватили принадлежащего одной вдове барана, который, когда его зарезали, превратился в камень. Камень этот цел и теперь — он имеет овально продолговатую форму. (Сообщ. И. Соболев 1900 г.). Многочисленные курганы с названиями «паны», «панки», «панские могилки» рассеяны по всем уездам приволжья. С некоторыми из них, как напр. «Панская гора» у с. Воронья в 1 вер. от села к северу, Костр. у., связано предание о скрытом здесь отрядом поляков кладе, с другими, как напр. курганы у д. Гороженица, Ильинской вол., связаны предания, что здесь похоронены паны.

VI.

К циклу сказаний о панах близко примыкают излюбленные народные рассказы и предания о разбойничьих кладах и разбойниках, когда-то гулявших по Волге, Унже и Ветлуге и по дремучим лесам десятиверстного волока и другим торговым путям. Разбойничья кладовая эпоха приурочивается народной памятью ко времени, начиная с XVII ст по первую половину XIX ст. и прежде всего, конечно ко времени Степана Разина. Историческое значение этих легенд не велико, чаще всего они дают лишь понятие о впечатлении, оставленном на народ известным лицом; за то значение в смысле фольклористическом они имеют большое. Без сомнения представляют интерес самые приемы баснословного повествования. Ветлужский край, напр., очень богат легендами и рассказами про подвиги Разина и клады, положенные им здесь, между тем как в действительности область его подвигов не простиралась так далеко на север. В таких сказаниях можно видеть и отношение легенды к ее фактическому матеpиалу и процесс превращения истории в сказку. По словам Ф. Нефедова, «древние городища, встречающиеся на правом (на горном) берегу р. Ветлуги и носящие большею частью название „Чертовы", приурачиваются ко временам Разина: по местным преданиям в этих городищах, равно как и в курганах лежат несметные сокровища, зарытые атаманом Разиным и его удалыми молодцами". (Ф. Нефедов — Былина о Стеньке Разине... Этн. Об. 1899, № 4, 95 стр.). Против с. Кокрина Рождественского на берегу р. Ветлуги есть «Семеновские плесо» и «Семеновская пожня». Здесь, по преданию, проживал Стенька Разин с братом и место называлось «Стенькин стан». Теперь видна здесь яма и валы,— бывало, что находили части древнего оружия (Дневник И. Преображенского 23 июля 1890 г.). По Волге также не редко встречаются рассказы о Разине. Существует, напр., предание, что около д. Дьяконово, Юрьевец. у., зарыт клад Ст. Разиным, на острове близ Густомесовой слободы и др. В 7 верстах от Кинешмы в усадьбе бывш. И. Ф. Кошевич на горе «Кононихе» жил по народной молве разбойник Конон из шайки Ст. Разина. Гора эта, по словам Кошевича, наполовину насыпная и здесь, кстати сказать, были найдены 3 кремневые стрелки. Сильный отряд Разина под предводительством Меронки Федорова Мумарина бродил по Унже и осаждал Судай (Л. Н. Козаринов—Г. Судай, Архангелогородской губ. Труды К. Науч. Об-ва вып. XXI).

Многие сказания о разбойниках не называют их имен или, называя имена, не указывают время, когда они жили, следовательно, трудно определить, исторические ли это лица.

Буйского уезда, Ильинской что на Шаче волости, близ д. К ломина есть овраг, называемый «Разбойничий». В народе существует сказание, что в нем есть яма, выложенная кирпичем и покрытая железной дверью. В этой яме скрыты деньги и вещи (Дневник И. Преображенского, 13 марта 1891 года). «В 10 верстах от бывшего Кажирова монастыря (ныне село), В тужского уезда, протекает речка «Разбойница» и существует «Разбойничий бор», где по сообщению обывателя Ветлужского уезда. с. Пыщуг, г. Дементьева, есть пещера со сгнившими срубами, в которых скрывались будто-бы какие то разбойники». (И. Миловидов— Новые сведения о древн. Костромского края, «Костр. Стар », вып. 2, 62—63 стр.). На р. Бол. Какше одно городище (у с. Спасского, Вет. у.) называется «Разбойный колпак». Само собой разумеется здесь неизбежны легенды о разбойниках («Костр Стар.», вып. II, 63—67; Сборн. Музея

Антр. и Этн. при Имп. Ак. Н. VII, 1909 г.). «При с. Чудце, Солиг. у., в левом крутом берегу р. Костромы есть отверстие в виде пещеры или окошка трехугольной формы. Предполагают, что здесь был притон разбойников» (И. Миловидов—Древности, 125). Недалеко от с. Пушкина, Костр. у. есть речка «Воровка», впадающая в Волгу. Здесь поджидал обычно прохода расшив по Волге разбойник Лобанов, становище которого было выше в «Лобановой сече», здесь же скрыты им награбленные сокровища (сообщ. А. В. Гуреев, 15 мая 1921 г.). Происхождение названия с. Воронья, Костр. у., об'ясняют от слова «вор»-разбойник, преданий о которых здесь, говорят, много. Крестьянин д. Гущино, Семеновской в., передавал И. Д. Преображенскому, что близ их деревни есть какие-то бугры и ямы с камнями, где, по сказанию, жили разбойники. Кроме того есть колодезь, где будто бы скрыт боченок с деньгами и тут находят старые медные деньги» (Днев., 28 сент. 1898 г.). В 5 верстах от дер. Хмелево, Варнав. у., существует пещера, выложенная камнем, колодезь и выложенная камнем лестница в гору. Преданне связывает эту местность с разбойничьим притоном. В 2—3 в. от с. Конева, Ветл. у., на левом берегу р. Неи курган «Чурбан». Местное население происхождение кургана связывает с легендами о разбойниках. В одном овраге на берегу р. Ветлуги, где теперь стоит д. Шишиха, жили разбойники, «не даром одному крестьянину посчастливилось найти здесь большой (арш. 1½) ржавый тесак, который, кстати сказать, он употребил на заклепки к топорам; другие находили колокольчики, кольца и бусы» (Из анк. 1910 г.). Близ р. Мочи у д. Прокунино, Макар. у., курганное кладбище. Рассказывают, что сюда с Волги ездили разбойники. Кто то испортил их лодки и они затонули. Трупы потом прибило к этому месту: здесь их и похоронили. Около д. Попово Ухтубужской вол., Кологр. у., на берегу р. Унжи—курган. Есть предание, что в кургане жили разбойники. На поверхности кургана несколько ям (дыр), которые, предполагают, служили-де дымовыми трубами. На одной из сторон кургана нора, в которую свободно может пролезать человек. «Полиция, говорят, по два года на этом кургане делала раскопки и нашла копье». Вероятно археологические раскопки?... Курган разрыт еще мало. Близ д. Станки и села Елнать, Мордвиновской вол., Юрьевец. у., на правом берегу Волги в лесу в котловине, омываемой с другой стороны р. Елнатью было в старину становище разбойников, отчего в деревни, которая стоит тут называется «Станки». Здесь зарыты клады. Тоже самое рассказывают про окрестность с. Сеготи, Юрьевец у. В Крестовых горах (оврагах), Юрьев. уезда, жила шайка разбойников, атаман которой бывал нередко в соседней деревне Кандаурово у своей возлюбленной. Часть награбленных богатств, после того, как разбойники были пойманы, осталась зарытой в Крестовых горах. В д. Шевалдсво, Кинеш. у., старики помнят рассказы о разбойниках, живших в лесу «Зелень-Бор» (в 1 вер. от деревни). Указывают место «Ведерники», где они были переловлены и перебиты. После разбойников будто бы оказался клад, который был найден крестьянином д. Шевалдово—К. Капининым. В Ковернинском уезде упорно говорят о кладе, находящемся на так называемой «Каменной Закладе». Это место—в лесу на громадном Пеузском болоте на границе четырех волостей—Ковернинской, Пелеговской, Юровской и Мамонтовской. Закладь эта представляет место, выложенное каменным плитняком, подойти к ней можно только с одной стороны, с остальных мешает болото и лес. Каменную Закладь нашли не очень давно, когда стали рубить просеки для устройства лесных дач. Но и сейчас не каждый найдет это глухое

место. Здесь жили разбойники, ездившие с Волги по Унже, Шемохте и Пеузе в болото. Говорят, что и теперь в большую воду свободно можно проехать на Закладь с р. Волги. Крестьяне рассказывают, что здесь находили старинные кубки, железные палки и др. вещи. Передают, что в одной стороне Заклади находится очень глубокий омут, а среди омута плавает бочка на якоре, от времени покрывшаяся мохом, так что имеет вид кочки. В этой бочке есть указания на счет того, где находится клад. Но бочку достать нельзя—плыть к ней никто не решается, а лодку вести далеко, так как самая близкая деревня находится в 12 верстах (запись Н. А. Парфенова). Рассказывают, что Решемский монастырь когда-то был разграблен разбойниками и все сокровища потом были ими зарыты где-то в лесной даче «Серовке». Верстах в 7 от с. Троицкого на р Ветлуге находится деревня «Городище», и невдалеке от последней «утесистый выступ, очевидно природный, но имеющий все характерные особенности тех холмов, на которых открывались признаки древних городищ. Утес этот несколько возвышается над уровнем прилегающей к нему террасы, с двух сторон он окружен оврагом и соединен с остальной поверхностью террасы узеньким перешейком; этот утес называется Бабьей горой; про него существует следующая легенда: была здесь в стародавние времена разбойничья стоянка, жило здесь 12 разбойников, а атаманом у них была баба Степанида. Долго она ими верховодила и с ними выезжала на разбой, пока наконец не поссорилась со своей шайкой: ее убили разбойники и закопали тут-же в землю. Теперь в осенние глухие ночи здесь слышен стон умершей без покаяния разбойницы, говорят, что будто она по временам показывается на этой скале, что ее не раз видели сидящей на краю утеса, пригорюнившись.» Поливанов в 1889 г. производил здесь пробную раскопку—при этом найден был обгоревший сруб и кости разных домашних животных. (А. Мельников—Очерки Поветлужья. «Нижег. губ. Вед.» 1890 г. № 18).

Иногда народная память удержала имя славного разбойника, но не может уже определить времени его подвигов. Верстах в 9 от с. Беберино, Варнав. у., одна живописная гора называется «Мироникиной» по имени жившего здесь разбойника Мирона. Мирон и шайка его были в дружбе с вдовой дьяконицей с Богородского и ее дочкой. Обе они без стыда сносились с разбойниками: шили на них, пекли хлеб, принимали в своем дому и частенько сами посещали их. Рассказывают, как бывало сядут мать с дочерью в лодку под селом, запоют песню и отправятся за реку разгуляться с молодцами. А те, услыхав их, ужь выезжают на встречу им. За такое поведение они не пользовались репутацией хороших женщин, над ними многие посмеивались, за что и страдали зачастую от разбойников (запись уч С. Шарова 1900 г.). На «Лялиных» горах, в 7—10 вер. от Лапшанги, Варнав. у., в глухом лесу жили разбойники,—по имени атамана и гора получила свое название. В общем разбойники эти были в хороших отношениях с крестьянами. Раз напали они на именье, ограбили его,—жену управляющего увели с собой на Борки (прежде был сосновый лес, от которого осталось одно название) и оповорили ее. Так передают легенду в самой Лапшанге (уч. Е. Заборский). Существуют варианты и другие легенды о лялинских разбойниках. Лес, передают о том же сюжете в Замешанке, на Лялинской горе в настоящее время совсем уже не тот, чем он был раньше. Неправильные лесные вырубки в именьи Челищева, слишком поредили этот лес, но в прежнее время это был дремучий темный лес, редко даже посещаемый людьми. На горе в лесу жила разбойничья шайка, которая не боялась

нападать на купеческие суда, плававшие по Ветлуге. Эта шайка сделала раз нападение на усадьбу Лапшангской помещицы. Помещица эта была предшественницей настоящего владельца Челитева и своим стяжательством приобрела худую славу в народе. В одну из светлых летних ночей разбойники напали на дом помещицы, но нападение было не вполне удачно. Дворня барская, в то время как шайка хозяйничала в дому, успела собрать массу народа. Разбойники спохватились, но было уже поздно: их окружили со всех сторон. Тогда они, зах ватив в чем попало хозяйку дома, стали отступать в лес к своему притону. Толпа была безоружна, но всетаки порывалась переловить разбойников, досаждавших им своими разбоями. А разбойники грозили тем что убьют свою пленницу, прежде чем дадутся в руки. Сама помещица просила толпу не трогать разбойников. Может быть, жалость к помещице, когда-то грозной их владелице, теперь униженной и несчастной, а может быть жестокое и бессердечное ее отношение к своим рабам было причиной того, что наседавшая на разбойников толпа, не так уж стала решительно действовать и тем дала возможность разбойникам скрыться в глубь леса. Народ не погнался за ними уже потому, что госпожа их была оставлена разбойниками и и бавлена от дальнейших страданий и бесчестия (по записи С. Шарова). В этом варианте помимо отдельных подробностей, переносящих действие в не так давнее время жертвой разбойников является не жена управляющего, а сама помещица и финал передается иначе. С другой стороны, отношение разбойников к местному населению рисуется в ином свете, хотя все же они являются мстителями за попранные права.

Одна легенда про Лопинских разбойников передает следующее. За Ляпиной горой есть деревня под названьем Бархатиха. Деревня эта буквально находится в лесу. Кругом нее нет человеческого жилья ближе как за 15 верст «Пришли, это, разбойники в д. Бархатиху и остановились у одного крестьянина с целью сорвать с него свой разбойничий куш. Хозяева их угощают, всячески задабривают всем, чтобы они не так были требовательны и не так уж обрали начисто. В это время входит молодая сноха, прошла за перегородку и не поклонилась гостям — Ах, ты свинья такая! ты нам не хочешь и кланяться!»—закричал один из разбойников, обиделись ее невниманием. «Ты сам свинья, от свиньи и слышу!»—получил он ответ «Как вы смеешь с нами так-то разговаривать! Да ты знаешь-ли кто мы? Не знаешь? Ну, так я тебе сейчас покажу!» Вспыхнул разбойник и выхватил нож. Но не смотря на усилия встать с места, не мог. Все семейные перепугались. «Ну, чего вы перетрусили!» кричит молодка, ступай, батя, кричи народ, да вяжите их: теперь с ними нечего церемониться». Собрался народ и стал разбойников связывать, но какая-то невидимая сила мешала—окошки спадали. «Ткните булавкой им в ноги-то!—посоветовала молодуха - пустите кровь, тогда свяжите». Сделали так и, действительно, удалось связать разбойников. Запрягли телеги, рассадили их и отправили в уездный город, где давно уж их дожидались». Подобного рода предания, о заколдованных разбойниках имеют все свойства народной передачи из поколения в поколение—при этом одно в этих народных пересказах изменилось до неузнаваемости, другое стерлось или затерялось. Часто не помнят совсем имени разбойника. «Бабушка мне рассказывала, а ей рассказывал ее дед. Деревня то наша тогда в лесу стояла, как в чашке кругом лес непроходимый был. Недалеко около «Столбихи» жили разбойники—целая шайка с атаманом. С ним и подруга какая-то жила. Долго мужики

боялись трогать их, а потом набрались духу окружили Столбиху, перебили всех разбойников. А атаман в то время в бане парился. Не могут его убить никак—заколдован был. И пуля не берет. Сам ужь сказал им: «возьмите носилу, проткните меня!» Только носилой и убили (носилы прямые жерди, заточенные с концов, на них переносят сено). Дедушке 10 лет было как везли их в телеге хоронить—закопали где-то в подлазе овина. (Рассказ В. А. Китаева 20 июля 1920 г.).

Рядом с рассказом о разбойнике, наделенном богатырской силой, заговоренном от пули, огня, воды и ножа, умеющем одним посвистом молодецким остановить на дороге проезжую тройку, сбросить волшебством стальные цепи и уйти из толстых тюремных стен, непременно услышишь и о кладе, зарытом шайкой где нибудь недалеко от становища. Не вдалеке от Лялиной горы к Бархатихе есть озеро, по прозванию «Палажное». В озере скрыты этими разбойниками боченки золота, серебра и других ценных вещей. Нашлись смельчаки, которые опускались на дно тинистого озера и будто бы ущупали там бочки и цепи, но не могли вытащить: очень их заметало песком (по записи с Шарова). В Макарьевском уезде рассказывают о разбойнике необыкновенном силаче Гусе, жившем когда-то на возвышенности у д. Голосово, он грабил по Волге. На этой горе попадаются кости, черепа и проч. Может быть имя Гуся представляет переделку прозвища известного Уса, героя разинского бунта, рассказы о котором могли быть принесены вместе с преданиями и песнями о Стеньке Разине из других мест поволжья. Название «Ус» было «родовым и означало вообще воровского казака» (см. Н. Аристов—Об историч. значении разб. песен. Воронеж, 1875, 27 стр). Красивую легенду, но также не приуроченную к определенному времени рассказывают в Нерехт. у. В урочище «Шубино» близ с. Светочевой горы есть следы прудов, называемых «княжими». Там жил какой то князь с дочерью. А недалеко отсюда на берегу р. Волги, где впадает река Усолова засела шайка разбойников, под начальством атамана «Светоч». Он похитил дочь князя и грозил князю гибелью, если бы тот вздумал возвратить себе дочь. Князь покинул свое жилище, которое постепенно разрушилось, место заросло кустарником, а пруды торфом. Рассказчик ничего не дополнил о подвигах Светоча. Передал лишь, что недалеко отсюда в урочище «Могильцы» находятся курганы. На этом месте стояло с. Аргашма, разрушенное отрядом Лисовского. Так переплетается с легендой другое, быть может, историческое воспоминание.

В легендах, связанных с названием гор—Миронкина, Лялина, Светочева—мы, возможно, имеем дело с обычным народным стремлением легендарным сказанием осмыслить всякое географическое название. В с. Перепелицыне, Нерехт. у., рассказывают о живщем здесь разбойнике «Перепелице», в д. Швецово, Коверн. у., о разбойнике Швецове, на Асафовых горах разбойничал Асаф, на месте Пучежа когда-то жил в болоте разбойник Пучина. По другому преданию, его прозвище было Пучинской: «по берегам р Волги в большом количестве был лес, около сих мест водились воры. Саровской артели был атаман по прозванию Пучинской, а после его Перепелка, которые делали грабежи, потому плавающие по реке Волге на судах имели великую от них опасность и затруднение в судоходстве по случаю нападения их, почему и вошло в пословицу: «пучежские воры». (Из рукоп. «Краткое описание пос Пучежа», составл. диак. Воскресенской цер. Костеневым в 1844 г. Архив Костр. Научн. Об-ва). Даже финское название посада «Решма» народной легендой приурочено к разбойничьему эпосу и осмыслено так. Когда Стенька Разин похитил у

какого-то купца дочь и хотел ее обесчестить, она кричала:—«режь мя»—режь меня и т. д. Не исключена в то же время возможность, что канва рассказов о подвигах некоторых разбойников дана действительными историческими лицами, данные о которых, может быть, еще встретятся где-нибудь в старых судебных архивах.

Бытовые картины Костромского края XVII ст., поскольку они рисуются в челобитьях, разных тяжебных делах и др. актах, полны разбойными и грабительскими делами в виде «наездов» помещиков одних на владения других и вообще утеснений, чинимых сильными людьми: «скотишишко наша лешади и коров и овец до смерти побивают и по шалашам на репище у сторожей луки и колчаны со стрелами и кафтаны и топор крадут и прохожих людей на той пустоши Александрове грабят и всякое дурно чинят»..—в таком роде нередки жалобы. Разбой в XVII в. не только общебытовое явление, иногда он выдвигает своего рода профессионалов этого дела. В первой половине XVII ст. здесь разбойничают братья Григорий и Василий Мурашкины с товарищами. В царской грамоте 1545 г. мая 28 говорится об усилении грабежей и разбоев, между прочим в Костромской области. «По нашему указу велено быть в Суздале, Шуе и Луху для сыску разбойных дел ста человекам дворянам и детям боярским. В 1644 г. пойман у вас Мишка Толстой с товарищами, а говорил он на товарищей своих становых разбойниках—Гришку и Ваську Мурышкиных с товарищами, на многих людей в Костромском уезде и в иных городах... Марта 16 писали нам с Костромы, что Мурышкины с товарищами разбивают денно и ночно во многих местах людей до смерти побивают и домы жгут». Чрезвычайно любопытно отметить, что народная бытовая песня, сложившаяся в среде, сочувствовавшей разбою, поэтически изображая подвиги и удаль Гр. Мурышкина не только без отвращения, но с полным сочувствием и смакованьем останавливается на эпизоде поджаривания зажиточного крестьянина и его жены на огне с целью вынудить у них деньги:

Собирались усы на царев на кабак,
А садились молодцы во единый круг.
Большой-то усище и всем атаман,
А Гришка Мурышка—дворянский сын,
Он сам говорит, сам усом шевелит:
«А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голова кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах, нуте-тко, усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницам, накуйте топоры.
А накуйте ножей по три четверти.
Ах, я знаю крестьянина - богат добре.
Хлеба он не пашет да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожих людей ночевать не пущат,
А прямые дороги не сказывает..

От крестьянина потребовали при нападении денег, и когда тот отказывался отдать их, ссылаясь, что у него нет их—

Проговорил усище—большой атаман:
«Ах вы, братцы усы, за свои промыслы!
Ох, нутко, Афонас, доведи его до нас,

Ах, путко, Агафон, да вали его в огонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах, колите заслон, да цепайте лучину,
Давайте огонь, кладите серди избы,
Валите крестьянина брюхом на огонь.
А старуху ваните... на огонь!»
Не мог крестьянин огня стерпеть....
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под камня кубышку» и т. д.

(Н. Аристов—Об истор. значении разб. песен. 34—35, 146 ст.)

Во второй половине XVII ст. по Волге и Унже волновичал воровской казак Илюшка (Пономарев) с товарищами из шайки Стеньки Разина (см. И. Херсонский—Рукописи из архива Мак. Унженского монастыря «Костр. Стар» вып. I, грамота 1671 г.; ср. «Историч. Вестник» 1888 г., авг. и окт.).

Особенно многочисленны и повсеместны в крае рассказы о скрытых кладах и подвигах разбойника Ивана Фаденча, в конце XVIII столетия разбойничевшего с шайкой около Костромы, Ярославля, Шуи и Владимира. «Под этим именем,—пишет прот. М. Днев в истории Нерехты,—он повсеместно сохранился в памяти народной; родился в с. Оченеве Ярославской губ., от Нерехты на запад в верстах 25. Не по один раз было отряжаемо несколько рот солдат для его поимки, наконец изловлен около Плеса»... Понятна и широкая популярность его—«Фатеич не обирал бедных, а грабежи устремлял на купцов и помещиков» (М. Днев—Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX в.). «В рус. Сколозубово, Елизаветино тожь, по Галичскому тракту,—сообщает И. Миловидов,—существует холм, внутри которого, говорят, находятся ходы. По сказанию старожилов, внутри этого холма имела пристанище шайка разбойника Ивана Фаддеева, наводившего некогда панику в здешнем краю» (И Миловидов—Новые сведения о древностях Костромского края. «Костр Ст.» вып. II, 60 стр.). Это сообщение Миловидовым передано со слов И. Преображенского, в «Дневнике» которого есть некоторые подробности: ходы брали свое начало от бочага, наверху горы была труба и на этом месте теперь растет рябина (Дневник, 31 мар. 1890 г.). «Кстати здесь упомянем,—продолжает Миловидов,—о другом месте пристанища разбойника Ивана Фаддеева. У пустоши «Овечкино», около дер. Ж рновок, Апраксинской вол., есть колодезь, в котором будто бы были скрываемы разные ценные вещи и деньги, награбленные шайкой Ивана Фаддеева, имевшей временное пристанище Костромского уезда в с. Селифонтове, в усадьбе г. Лаптевой, где он, по сказаниям, и был взят. Об этом разбойнике существуют в народе разные сказания, которые, вероятно в свое время будут собраны в одно целое». Эти предания, повидимому, собирал И. Д. Преображенский, в «Дневнике» которого, между прочим, находим такие записи. «Бычихинской вол., Костр. у., близ д. Иванищево существуют бочаги, в коих, по сказаниям, кинуты разные дорогие предметы разбойниками, когда открыли их пристанище. Надо полагать, что шайка Баньки Фаддеева» (24 нояб. 1890 г.; ср. И. Миловидов—Новые сведения о древност... «Костр. стар.» II, 75, 76). «В Красносельской вол. близ д. Очепищево, на р. Стежере, существует будто-бы четырехугольная гора, где будто бы скрыты сокровища Ив. Фаддеевым. Название ей «Большой городок» и около нее «Малый городок» (12 мая 1891 г.). «Близ д. Лихачево, Семеновской вол., Костр. у., в 2-х верстах от деревни в пустоше «Ксреве» существуют ямы, в коих скрыт клад разбойником Ив. Фаддеевым и

Панкратом Ивановым. Крестьяне д. Спиново, начинали копать, но прекратили из страха» (31 дек. 1890 г.). В д. Афонасовке, Шишкиевской вол. П. В. Ячменевым недавно записана следующая местная легенда о Фадеиче с романтической подкладкой, легенда представляющая цельный образчик произведений разбойничьего эпоса. «Давно в старину в нашей местности был лихой атаман разбойник Ивая Фадеич, огромного роста, косая сажень в плечах и красавец собой. Имел шайку из таких же молодцов, человек в двадцать, с которыми и делал набеги на помещичьи усадьбы во времена крепостного права. Горе было тому барину, про которого слышал Иван Фадеич, что он чем-н. да притеснял свою вотчину. Постоянное местожительство Ив. Фадеича был огромный глухой бор Корево, где он умел всегда скрыться от преследования и где впоследствии оказался огромный клад, который многие видали, но взять его никому не удалось; он находится и по сие время тут. В описываемое время на большой горе, называемой «Холм», недалеко от деревни Афонасовки, находилась усадьба помещика Усачева, барина холостяка, в высшей степени развратника жестокого и самодура. Вот этому-то барину и понравилась в монастырской деревне красавица девица, единственная дочь вдовы, звали ее Татьяной. Усачеву захотелось во что бы то ни стало завладеть красавицей, и он в один прекрасный день явился самолично к старухе вдове и предложил, чтобы она отдала ему дочь в горничные. Но старуха, зная хорошо распутство барина, наотрез отказала. Барин сильно рассердился, но не имея власти над монастырскими, ничего не мог поделать и решил увезти Таню увозом, что в скором времени и исполнил. Вдова, хватившись дочери, догадалась, что ее похитил барин и, не долго думая, отправилась в усадьбу Усачева, стала требовать, чтобы барин отпустил ее дочь. Усачев до того рассвирепел на старуху, что велел ее немедленно отправить на конюшню и отодрать как сидорову козу. Старухе после такого угощения, еле живая ушла из усадьбы, но недалеко отойдя, потрясенная до глубины души поступком барина и, зная, что дочь ее уже опозорена и что она вигде не найдет на барина управы, повесилась на сучке большой сосны. На другой день Усачев поехал на охоту и увидал старуху висящую на дереве и велел своим людям похоронить ее в лесу недалеко от дороги, которая ведет в торговое село Колшев. Таня долго не знала, что мать ее удавилась. Но когда впоследствии узнала, то часто можно было слышать вечерней порой, как она плакала и причитала на могиле своей матери, и бабы, которые заходили в этот лес по грибы видали постоянно свежие цветы на могиле удавленницы. Это место с той поры стали называть «Бабой давленой». Однажды зимней порой в деревне Афонасовке, девицы сидели беседой в одной избе, пели песни и прядя, в это время дверь отворилась и в избу вошли как на подбор десять молодцев в нагольных полушубках и бараньих шапках, они все помолились на иконы и поздоровались с девицами. Девицы между собой переглядывались, спрашивая друг дружку, ч и это молодцы к ним пришли? Но никто их не знал. Молодцы долго сидели в беседе, угощали девок пряниками и вином, шутили с ними и пели песни, а самый здоровый и красивый из них все время расспрашивал девок, как поживает барин Усачев. Девки рассказали все, что знали, рассказали и про Таню и про ее мать. «Довольно!»—сказал Иван Фадеич (это был он),—будет, барин, потешился!» И с этими словами разбойники ушли. Все афонасовские мужики в эту ночь видели зарево над «Холмом», но никто на пожар не ходил. Только на другой день сходили поглядеть, что сталось с усадьбой Усачева. На месте усадьбы

были только обгорелые пни да стояли целыми печи. Ни скота, ни людей не было никого. Между головешками много было обгорелых человеческих костей. С тех пор про Усачева не было ни слуху, ни духу, а на могиле попрежнему часто были слышны плачь и причитание Тани. Ее разбойники спасли, и она доживала свой век с атаманом Иваном Фаддеевичем. (Зап. 11 февр. 1921 г.).

Прот. М. Диев сообщает еще о следующих здешних разбойниках: «Из подобных Фатеичу в народной памяти сохранились: а) Бабаев Онуфрий, нерехчанин; еще доселе свежо преданы, что делал разбой на Арменской дороге, проживая в Сыпановом бору, пойман и повешен в Москве в царств. Петра I. Это должно быть в исходе XVII в. или в начале XVI-I в.. б) Гаранька-атаман; есть предание, что с шайкой он проживал в Келохтах—это лес от Сыпанова к селу Княгинину, а от Нерехты на юг верстах в 3; соседние деревни не обижал, п. ч. у них брал с ночины по ночам для воровства лошадей и за это часто поил соседей вином, для сего они нередко к нему ходил в гости; по рассказам заметно, Гаранька жил в половине XVIII века; Келохты тогда были очень пространны».

Из других разбойников, оставивших яркий след в народной памяти, которая при том приурочила их имена к кладам, известны атаманы Шапкин и Свеклин. Первый проживал с шайкой близ с. Воздвиженского и у с. Пыщуг, Ветлужского у. «В 10 верстах от с. Пыщуга, Ветлуж. у. за деревней Сосновкой скрывался разбойник Шапкин, совершивший убийство Кажировских монахов в 1713 г. В 1714 г., живя в упомянутой стоянке, он закопал будто бы здесь клад, что подтвердилось тем, что один кр-ин д. Ерыкалихи нашел здесь корчагу серебра, из которого г. Дементьевым приобретены две серебряные рублевые монеты времени Петра I и Петра II (И. Миловидов—Нов. свед., 66 стр.). В с. Кажирове, рассказывали мне, хранится крашенинная риза священника, убитого *панами*, бродившими в Ветлужском крае. В приведенном предании о панах, убивших Кажировского священника (тогда здесь была обитель, а не приходский храм), мы имеем любопытный образчик свойства народной памяти не только переносить в своих сказаниях давно прошедшие события на более близкие даты, но и наоборот, как здесь видим, на целое столетие назад. Польский отряд под начальством Мих. Орханина, действительно, дважды в 1615 и 1618 г.г. разорял пустынь, но убийство настоятеля монастыря Сергия (Князева), набойчатую ризу которого сохраняют в монастыре, произошло в 1713 г. от руки Шапкина (Д. П. Дементьев — Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни). Шайка атамана Свеклина наводила панику в Костромской и соседних губерниях около 1840—46 г.г. „Он пойман в 1846 г., когда было произведено убийство одного бурмистра в Нерехотском у., заведывавшего имением какого-ео важного сановника“ (Дневник Преображенского, 3 апр. 91 г.).

Любопытны с точки зрения народной идеологии рассказы о подвигах почти современных подобных героев, которых еще помнят очевидцы старожилы, рассказы о Валуе и Серапионе. Интересны они в том отношении, что основной сюжет и психологические мотивы рассказов отличаются замечательной устойчивостью. «Жил разбойник, Валуй по прозвищу (в Буйск. у.). Сила у него была необыкновенная: Один на 14 человек выходил. В своих деревнях никого не трогал, разбойничал по сторонам. Бывало с шайкой торопится куда-нибудь, навстречу идет бедный мужик на лошади:—«давай лошадь, на тебе роспиcку!» А потом,

погодя немного к мужику в гости.—«У тебя, слышь, Валуй лошадь отнял?» Мужик смотит: «нет, не видал я Валуя!»—«Не видал, так на!»—и приведут мерина, что ни есть лучшего. Подземные навесы были в версту—тройками там лошадей прятал. Попался как-то, церковь ограбил в одном селе. Все село кольями било. Думали, что убили, смотрят—на другой день гуляет, как ни в чем. Кровью, говорят, своей смазывал себя. Этим и заколдовывал—ничто не брало». (Расск. М. Ерунов).

В Красном селе, Костр. у., был некто Серапион, фальшивые монеты делал. «Такой специалист был—в казначействе не могли отличить его деньги от настоящих. Наградил все Красное да и Кострома-то от него разбогатела. Как сейчас помню домик его на углу в три окошка. Мы пришли работать, а его забрали в то время в тюрьму. Так потом ушел—умел глаза отводить. Нарисовал на стене лодочку и уехал. Народу то он был люб, а начальство его не любило». (Рассказ кровельщика М. Ерунова, 1 авг. 1920 г.). Рассказ, очевидно, создался под влиянием подобных рассказов в нижнем Поволжье про Ст. Разина (см. Д. Садовников—Сказки и предания Самар. Край. Спб. 1884, 341—342 стр.).

VII.

Разбойничий эпос севера России—многочисленные песни, сказки, предания и легенды о разбойниках мало еще изучены, а между тем они представляют чрезвычайный интерес для характеристики народных идеалов, богатейший материал для изучения духовной жизни и облика народа, его настроений, влечений и общественных вкусов, они дают в то же время объяснение некоторых исторических явлений русской жизни.

Если русский народ часто принято называть богоискателем и богоносцем и если, действительно, в Ветлужских и Керженских лесах мы встречаем яркие фигуры взыскующих града невидимого, в неменьшей, если не в большей мере, справедливо приложить к нашему народу совершенно иные эпитеты, потому что народные симпатии, начиная с восетого новгородской былиной Васьки Буслаева и Добрыни Никитича, который, по выражению былины, «три года приторговывал, а три года приворовывал, т. е. разбойничал, со Стеньки Разина, героя народных песен и преданий XVII века и вплоть до самого последнего времени, несомненно, на стороне тех, кем «много было бито, граблено», по выражению былины. Разбойник—любимец народа, в народном предании и песне—сильный, отважный, буйный и предприимчивый он воспринял все черты древнего былинного богатыря, подвиги которого народная фантазия перенесла на разбойника. «Русский народ в песнях вспоминает разбойников не укоризной, а добрым словом, питает к ним не отвращение, а сочувствие. Такая проникнутая симпатией память об'ясняется неотразимой превлекательной силой и удалью» (Н. Аристов—Об истор. значении разб. песен, 93 стр.). Но не одна красочность подвигов удали и молодецкого оборотва сильно действующая на воображение привлекает симпатии народа к разбойнику, а также сродство душ, так сказать, и настроений: образ разбойника—олицетворение протеста против существующего порядка, экономического и политического бесправия, с которым он не мирится; с другой стороны, разбойник не обижает «своих», бедных, делится с ними... И один и тот же народ и благословляет и проклинает разбойника, народное мировоззрение в данном отношении оказывается подвижным, меняющимся согласно со всем укладом

бытовой, общественной и хозяйственной жизни. Такие противоречия народных вкусов и настроений нередки. «Христианнейший народ в мире», «новый израиль», как величал его в свое время книжник, в тоже время он любит посмеяться над духовенством, над предметами культа и веры, а теперь на наших глазах проделывает прямо-таки удивительные эксперименты. На вная вера кристально чистых сердец, подвижничество и аскетизм, с одной стороны, и в то же время до наивности звериная жадность, жестокие нравы — явление неизбежное с точки зрения мирового сердца, воспитанного законами природы, что так прекрасно нарисовано Гл. Успенским во «Власти земли».

Приведенные легенды и рассказы дают немало отдельных черт для характеристики древнего и современного костромича, служа лучшим отображением человека, их создавшего. Трусость, легковерие, нежежество и дикость, а главное свою жадность к богатству народ особенно ярко отметил в собственных сказаниях. Народ не может допустить, чтобы можно было разбогатеть своим трудом. «Клад нашол!»—говорят о человеке быстро разбогатевшем. Высшее счастье—богатство, путь к нему—кладоискательство. «От трудов праведных, не наживешь»...—так думали и думают, этой этикой жили и живут. Слухи о несметных подземных богатствах, кладов, рассказы о неразменном рубле, о россыпях настоящего золота в Ветлужской тайге создали особый тип людей, движимых внутренней страстью ко всему неизвестному, жаждой отыскать свое счастье. Это кладоискатели. Но этим занимаются не только мастера кладового дела, иногда эта своего рода «золотая горячка» охватывала целые общества и даже несколько селений. Около 1890 г. крестьяне с. Ильинского, Макар. у., и ближайших деревень решили во что-бы то ни стало отыскать клад, на который была запись в виде разбойничьего письма Целую весну прободрили по лесу, отыскивали приметы, ходили к «ворожку», рыли по целым ночам Собирались артелями человек по 200. Но ничего не нашли. Неудачу объясняли тем, что не было согласия в артели и кроме того каждый думал только о своей наживе в ущерб другим. Насколько сильна эта вера в клады указывает такой факт. Недалеко от д. Б. Угоры, Халбужского вол., сорралась как-то рыть клад целая толпа во главе со священником, делавшим указания, как надо рыть и как брать (благословясь) клад. Потребовалось вмешательство полицейской власти, чтобы разогнать легкомысленную толпу (сообщ уч. М. Лебедев. 1900 г.). Недалеко от с. Середы и с. Михайловского есть возвышение, в роде могилы, которое крестьяне неоднократно принимались копать в надежде найти здесь зарытый клад, но всякий раз безуспешно. При одной раскопке будто бы даже один крестьянин помер (Дневник И. Преображенского, 27 янв. 1899 г.). Раз как-то 40 человек крестьян искали клад в «Палажном» озере, но не нашли; был, однако, случай, что одному крестьянину посчастливилось найти несколько золотых монет в здешних местах. (Сообщ. Е. Заборский, 1900 г.) Опыты кладоискателей на старых могильниках очень хорошо известны археологам. Отчеты о раскопках Ф. Нефедова и членов Костромской ученой архивной комиссии пестрят замечаниями о курганах, уже вскрытых когда-то кладоискателями. Вместе с тем и на самих исследователей доисторических древностей народ смотрит не иначе, как на кладоискателей. «А у нас так вот нашли клад, рассказывает кр-ка А. Николаева (у. Кораваево, Кс. у.),—мне тогда лет 10 было. Как сейчас помню: слышим, говорят, что приехали из города панов разрывать. Побежали мы... Смотрим: барышня, а с ней еще какие-то да собака большущая.

лохматая... Вот уж мы тогда этой собаки-то испугались. Стали они рыть за нашим полем по Петиневской дороге, недалеко от Петинева... Рыли они по плану, план у них был—да и то долго рыли зря, сколько ям накопали! Все-таки вырыли! Сбрую с ребряную, да еще много чего-то не помню... Костей да черепьев (черепов) много повырыли... Сказывают—это панов кости-то (зап. 15 окт. 1920 г. К Мардасовой) Это были раскопки Н. М. и Тат. И. Бекаревич 1905 года.

Во всех многочисленных легендах о кладах, в преданиях о татарах в сказаниях о панах и разбойниках ясно видно несколько наслоений народных воспоминаний о неоднократной борьбе, которую ему приходилось вести. Кое-где еще помнят о татарских набегах, гораздо больше сохранилось воспоминаний о панах—литовских людях, бродивших местами в крае в начале XVII в., но особенно свежи в памяти и бесконечны рассказы о славных разбойниках. Каждое новое бедствие вытесняло из народной памяти более ранние события, точные представления о событиях и действующих лицах утрачивались и перепутывались.

За всеми этими сказаниями кроются глухие обрывочные намеки и обломки воспоминаний и преданий, относящихся к гораздо более древнему времени, нежели даже татарские погромы и смутное время, обломки преданий удержавших некоторые архаические черты. Недаром сказание нередко приурочивается к старинному курганному могильнику VII—VIII ст. и даже более древним городищам. Корни этих преданий иногда относятся к доисторическому прошлому, к той борьбе, которую пришлось вести первым славянам колонистам в крае, где они встретили людей «не своей веры».

В виду недостатка письменных памятников, как о первоначальных обителях Костромского края, так и о встрече их с словянами, необходимо обратиться к изучению широких, но вместе зыбких народных преданий, отчасти позволяющих наметить разрешение этих исторических загадок. При всей запутанности и фантастичности сказания о панах и разбойниках заключают зерно исторической истины, которое до некоторой степени можно вскрыть, прибегнув к детальному анализу сюжетов, имен, исторических отзвуков, привлекая для сравнения материал из других мест. Нужно заметить, однако, рядовой необразованный крестьянин ничего не знает из истории колонизации своей области Память в народе об этом через несколько поколений расплылась в неясное предание, украшенное фантазией.

В рассказах о разбойниках и панах, помимо бытового явления следует видеть обломки самых древних преданий о заселении края и народных героях той эпохи. Мы уже отметили, что разбойники в глазах народа его друзья и герои, разбой—не всегда пришлый чуждый элемент, в сказаниях и песнях он нередко является своим местным близким явлением. Не сказались ли в воспеваемых подвигах их воспоминания о новгородских ушкуйниках и других культуртрегерах края? Во всяком случае, господствующее в русской исторической науке представление о доисторической колонизации края, как мирном заселении, едва-ли соответствует действительности Вся последующая колонизация, особенно колонизация Сибири, освещенная историческими данными, свидетельствует о противном. Тоже подтверждают предания как самих инородцев (см. Н Налимов—Зырян. легенда о паме Шипиче. «Этн. Об.» 1903, № 2, 120 ст.), так и местные предания об аборигенах края

Сохранились в народной памяти глухие предания о каких-то загадочных народах, живших здесь, о чуди и волотах. О первом народе свидетельствуют широко расеяные названия различных пунктов от этого корня в разных местах края: села и деревни «Чудь» (2 в Нерехт. у., 2 в Юрьевец, 1 в Макарьев у.), «Чудца» (2 погоста в Галичском у.), «Чудиново» (ус и дер. Галич. у.), «Чудиха» (д. Варн. у.), «Чудово» (ус. и д. в Варнав. у. и д. в Макар. у.), «Чудовское» (д. Чухломск. у.). Кроме того, встречается название «Чужово» (д. Чухл. у.), повидимому, от того же корня—«Кудиново» (2 д. Буйск. у.), «Кудениха» (д. Нер. у.), «Кудино» (д. Юрьевец. у.). Нам не приходилось слышать больше того, что был-де такой народ: его облик, столкновение с ним келоиистов и судьба здесь забыта или, по крайней мере, нами не встречены эти рассказы. - Между тем, в соседних губерниях—Вологодской и Вятской эти воспоминания более свежи. В вологодском крае рассказывают, наприм., как чудь заживо себя погребла, чтобы избавиться крещения, точно также по преданию Вятского края, чудь ушла в землю, и по ней устраивают в известное время поминки (П. Щетников - Популовская волость. «Волог. Губ. Вед.» 1895 г. № 31; П. Сорокин—Чудь Кайского края. «Вятск. Губ. Вед.» 1895 г., № 54). В легендах, распространенных в других местах севера России, «чудь» и «паны» часто отожествляются (см. И. Калинин—Чудь и Паны. «Живая Стар.» 1913 г., вып. I—II. 137—146 стр.). Словом «чудь» словяне-колонисты выражали общее понятие для обозначения аборигенов-инородцев, с которыми им приходилось сталкиваться в течение своего колонизационного продвижения, обозначая этим именем самые чуждые этнические группы. Что касается названия этих инородцев «панами» можно указать аналогию в насмешливом прозвище, сохранившимся до настоящего времени в отношении татар, которых часто называют «князьями». Нужно думать, что предание, о «панках» в Солигаличском уезде разумеет именно этих инородцев, занимавшихся звероловством и рыболовством. Несомненно что с воспоминаниями о чуди смешались также и исторические предания о панах смутной эпохи и переплелись в виду дальности расстояния, отделяющего современную эпоху от тех времен. Как «чудь», так и «паны» в то же время в некоторых народных преданиях представляются как разбойники (П. Сорокин—Чудь Кайского края; Н. Ончуков—Северные сказки. Спб. 1908, 500—503). Паны в олонецких легендах разбойники, закапывали, клады, и погибли в водопаде, в озере, откуда и теперь слышатся стоны утопленников. Пришлые разбойники-паны—смелые люди и это быть может, бродячие инородческие группы из тех же аборигенов края, которые в общей массе туземцев известны были раньше под именем «чуди».

О волотах в Буйском уезде записан Б. Гласко следующий рассказ. «Близ именья Г. Н. Глаголева«Ивановское» есть «Волотовы горы», «представляющие соединение естественного возвышения над пологим луговым берегом с приспособленным к нему искусственно нарытым на южной части возвышения курганом. Эти Волотовы горы, по преданию народа, накопаны были жившими здесь великанами по имени «Волоты». Они были так велики, что, занимаясь кузнечным делом, передавали друг другу топоры на другой берег реки (расстояние горы до берега полверсты)».

Кроме упомянутой горы существуют и другие местные названия, напоминающие о волотах: д. Волотово, Буйск. у., гора «Волотова могила» в Нерехт. у. около Середы, озеро Волотское (Волосское, Волоцкое)

Костромского у. Здесь, кстати сказать, обнаружена стоянка каменного века. Множество названий местностей происходит от созвучных корней (Волосово, Волосково, Волочаниново, Волочиново. Власово и т. д.), которые можно производить с большим правом и от христианского имени Влас, и от имени языческого бога Велеса, и от слова «волок», «волочить». В качестве сравнения из других мест севера России можно указать на следующие наименования: д. Волоцкая, Череповец. у., оз. Волоцкое, Осташк. у. и с таким же названием озеро Белозерского у., Волочно озеро, Пудомского у. В Виленской губ. древние могильники обычно называются «волотовками», как здесь «панками».

Самое имя «волота», известное народу, между прочим, по духовному стиху «Голубиная книга» вызывает в народном сознании воспоминание о той отдаленной эпохе, когда «была чудове на земли реките волотове», как выражается летописец. Интересны между прочим, разсуждения Иноходцева о начале города Вологды, где он сообщает любопытное мнение о происхождении имени Вологды «от баснословных каких-то Волотов, подобно греческим гигантам, якобы они задолго прежде просвещения святым крещением тут жили, и построив сей город, назвали оный так, как и реку, по имени своему Волотой или Володовой». (Месяцеслов исторический и географический на 1790 г., стр. 33; А. Пыпин—История Рус. Этногр. т. I, 148 стр.). Разумеется, это словотолкование совершенно не выдерживает критики, но интересно, что в соседней Вологодской губ. в XVIII в еще живо было воспоминание об этих волотах. В приведенном местном сказании волоты различаются от остального великорусского населения края, как в древности славянами и немцами народы кельтского племени, а позднее жители Италии в отличие от других назывались Влохами, Волхвами, Влахами и Волохами (Н. П. Барсов—очерки рус. историч. геогр.. Варшава, 1885 г., 215—216 стр.). Мы не говорим об этнической связи Влахов и Волотов, но эта параллель невольно напрашивается и чрезвычайно любопытна.

Самое собрание сведений о кладах, панах и разбойниках может иметь важное значение для доисторической археологии. Чаще всего эти предания бывают приурочены к древним могильникам и городищам. Можно указать множество подобного рода совпадений в этом отношении для Костромского края. Географический список, упоминаемых в легендах местностей почти укладывается в список древних курганных могильников и городищ. Там, где помимо легенды не установлены подобного рода доисторические древности, мы вправе их ожидать при более или менее детальном обследовании местности. Приведем несколько наиболее интересных совпадений легенды связанной с местностью интересной с точки зрения доисторической археологии. Археологические раскопки на Богородском городище, с легендой которого мы здесь ознакомились, дали любопытнейшие результаты, обнаружив здесь костеносное городище. Сказание о панах, уничтоженных близ д. Аксеново, Ветл. у., находит совпадение в виде здешнего городища. Предание о кладе приурочивается к Чернозаводскому городищу (Костр. у.), городищу дьякова типа. Волотовы горы в Буйском, Костромском и Нерехтском уездах при исследовании обнаружили культуру каменного века. Многочисленные «панские могилы», «панки», «паны», «панщина» и т. д. в приволжских уездах оказались курганными могильниками возраста VII—XIII ст. Они в значительной степени вскрыты или кладоискателями и любителями или с научной целью.

Интересно выяснить вопрос о том, насколько соответствуют действительности многочисленные сказания о зарытых кладах, которые дают богатую пищу народному воображению. Помимо разнообразных находок при курганных погребениях, инвентарь которых в редких случаях представляет реальную ценность и важен более для науки, нежели в житейском отношении, помимо случайных находок одной или нескольких старинных монет, кроме так называемых «закладных кладов», которые и до сих пор еще кладутся под «святой» угол строющегося дома (деньги кладут под угол для богатства и шесть для тепла), нередко клады действительно встречаются здесь, главным образом в виде монет. Более или менее точно установлены сведения о находках в разных пунктах 44 денежных кладов. Из них один найден в Буйском у. (д. Глебовская), 5 относятся к Варнав. у. (д.д. Гридино, Егачиха, Крутая, Погоревка, Тимариха и с Темпта), 1—к Ветлужскому (д. Потешиха), 2—к Галичскому (г. Галич, д. Пестово). 5—к Кинешемскому (д.д Забелино, Балахонка, Исуповская, поч. Лезговец и в Угличской вол.—точнее не обозначено), 4 клада найдено в Кологривском у. (д.д Астафьево, с. Ма турово, д Патрусово—два клада), 6—в Костромском (с. Бедр но, д.д. Богородская, Боровиково, г. Кострома, с. Селище, д. Становщиково), 13—в Макарьевском у. (д.д. Андреевка, Буяново, с. Вознесенское-Цыкино, д.д. Думалово, Жуково, Ефимово, Заучна, с. Крутых, на берегу р. Ломны—точнее неизвестно, д. Содомово, с. Семеновское, д. Стрелка, д Тевельево), в Нерехтском у.—1 (с. Неизмново), в Солигалическом у—2 (д.д. Середнево, Рогачево) в Чухломском у.—2 (с Троица у Голов, д. Зеленцино), в Юрьевецком у.—2 (д.д. Запрудново и Скутариха) Разумеется, далеко не все денежные клады зарегистрированы, так как население не было особенно расположено делиться с наукой своими открытиями. «Со стороны крестьян, нашедших эти монеты,—пишут в архивную комиссию с места про один клад, найденный в Углецкой вол., Кинешем. у.,—приходилось слышать сетования на безвозмездное отчуждение их». Поэтому лишь в редких случаях клады имели надлежащее научное назначение. Из 44 кладов—5 поступили в музей архивной комиссии, 4 были представлены в полицейское управление, губернатору и приставу—вероятно, они потом также поступили в Костр архивную комиссию, 2 клада были отосланы в Императорскую археолог. комиссию, 1—в археологический институт (Петроградский), 1—сдан был в казначейство, остальные проданы антикварам и любителям или утеряны.

Обычно денежный клад находится здесь в глиняном горшке, кувшине или кубышке, о одном случае отмечена находка в берестяной корзине (д. Астафьево, Кологрив. у.), в другом случае в ящика (в с. Темпта, Варнав. у.), однажды клад найден под большим камнем (д. Забелино, Кинешем у.).

Находят такие клады случайно—во время пашни на старых дворинах (6 случаев), при рытье гряд на огороде (2), при рытье погреба или переделке двора, закладке нового дома, после дождей или разливов. По-видимому, обычай класть свои сбережения в землю, как наиболее надежное хранилище, широко бытовал когда-то.

Относительно размеров кладов установлено лишь только по отношению к 18 из 44. Размеры колеблются от нескольких десятков серебряных монет до 1000 и более; в дер. Запрудново, Юрьевец. у. клад состоял из 2240 штук серебряных монет, в дер. Крутых, Варнав. у. в два раза найдено 1700 сер. монет. В некоторых случаях ценность клада определена весом, напр. 1 ф. 3¼ зол. (925 шт. мелких серебр. монет), 2 ф.

3½ зол. мелк. сереб. монет, 3½ ф. серебряных монет, 3 пуда медных монет и лишь в одном случае 16 золотых монет. Наиболее ценные в этом смысле клады, разумеется, остались неизвестными.

Из всех кладов только по отношению к 11 нам известно время чеканки монет. Наиболее древними в кладах являются деньги времени Ивана Калиты, в двух случаях клады денег Ивана Грозного, встречаются монеты Федора Иваныча, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Дмитрия Самозванца, Владислава и Сигизмунда, Мих. Фед., Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины I и II и Елизаветы.

При скудости сведений о найденых кладах, делать какие-либо выводы относительно торговых путей XVII и XVIII ст. в Костромском крае едва-ли возможно. Притом же, можно думать, в некоторых случаях денежные клады оказывались вне связи с торговыми путями Л. Н. Казаринов передавал следующее о найденном в д. Зеленцине, Чухлом. у., кладе, состоящем из серебряных монет петровского времени. Все мужское взрослое население деревни, принадлежавшей тогда одному из князей Мещерских, в начале XVIII в. было мобилизовано указом царя на работы по постройке Петербурга. Все они, как выяснилось из архива Судайской осады, погибли на тяжелых работах в новой столице. Повидимому, найденный клад представлял собою перенесенные в деревню сбережения этих рабочих или другим путем приобретенные в столице деньги.

В настоящее время переживается новая кладовая эпоха, так сказать, «коммунистическая». Как в эпоху татар и смуты, народ помещает и в настоящее время свои сбережения и имущество, по меткому выражению одного гражданина, «в земельном банке». Уже ходят рассказы о находимых то тут, то там спрятанных в земле деньгах, имуществе и оружии, а вместе с тем создаются легенды о героях нашего времени, как напр. о предводителе повстанцев Озерове и в эти легенды вплетаются мотивы древних народных сказаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Библиография вопроса о кладах.

Кроме указанных в тексте статей и заметок, касающихся местных сказаний о кладах, приводим известную нам общую библиографию этого вопроса.

1. **Н. Я. Аристов**—Предания о кладах. «Записки Имп. Рус. Геогр. Об ва», т. I, 709—739. Здесь приводятся предания о кладах главн. образом Симбирской губ. Между прочим, приводятся рассказы о том, как кладоискатель выругался и клад утоп (719 стр.); клады на столько-то голов заменяются тем же количеством кольев (голов, 720—721); каша выходит из горшка, указывая тем на клад (724); оспорили кладоискатели и клад скрылся (728—729).

2. **Я. Аристов**—Любопытные предания о кладах, записанные в слободе Александровке, Ворон. губ. «Ворон. Губ. Вед.» 1866 г. № 2, 3. Лодка с кладом в горе.

3. **А. Н. Афанасьев**—Поэтические воззрение славян, т. I. 201; т. II, 361—377, 380—5, 392—8, 413, 536—9. Здесь указана журнальная литература вопроса сороковых и пятидесятых годов.

4. **А. Н. Афанасьев**—Русские народные сказки. Изд. под. ред А. Грузинского. «Вещий сон»—по ночам клад чудился в виде огня под печкой; слышался стон: ой, душно, ой душно (№ 131); «Марко Богатой и Василий Бесчастной»—клад в виде человека, которого Иван ударил палкой наотмаш, тот рассыпался червонцами и камнями самоцветными (№ 173); «клад»—дается за бедность (№ 144); «Скорой гонец»—дается за добродетель (№ 145); «Скрипач в аду»—зарытый скупцом не дает ему покоя на том свете (№ 210); «Дурак и береза»—находит дурак в дупле березы.

5. **П. Белавин**—Клад. Рассказ крестьянина. «Новг. Губ. Вед.» 1861 г., № 12, 13, 14.

7. **С. Введенский**—Кудеярова поклажа. Архивные дела о кладах в XVII в. «Изв. Об. Арх., Ист. и Этн. при И. Каз. Ун.» т. XII, вып. I 1906 г., стр. 1—22.

7. **Н. Витевский**--Клады и кладоискатели на Руси. «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. XI, вып. 5, 411—425 стр. Кратко таже статья в «Яросл. Губ. Вед.» 1894 г., № 17 (Перепечатка из «Правит. Вестн.»). Фактический материал почти исключительно заимствован из упомянутой выше статьи Н. Аристова.—Апокрифическая кладовая выпись. В том же выпуске «Известий», 483—485.

8. **А Гацисский**—Петров крест. «Древности. Труды Имп. М. Арх. Об-ва», т. X М. 1885 г., 212, 215. Порядок добывания кладов.

9. **Георгиевский**—Взгляд народа на клады. «Волог. Губ. Ведом.», 1900 г., № 106.

10. **В. Даль**—Сказка о кладе. Полное собр. соч., изд. Вольф, 1898 г., т. IX, 247—259. Другой вариант сказания о кладе, положенном на 100 голов; клад лошадью, свиньей; клады ищут на Ивана-Купала. Места записей не указаны.

11. **М. Забылин**—Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. 1880, 438—448. Клады на столько-то голов, клады в виде свечи и проч.; «возвратный клад: клады Стеньки Разина. Ветлужские клады приведены полностью здесь в тексте.

12. **Р. Игнатьев**—Чортово городище. «Древности. т. II, вып. I, М. 1869 г. В городище в 3-х. вер. от Уфы, зарыты заклятые клады, находятся они под покровительством нечистой силы.

13—Из быта и верований корел Олонецкой губернии. «Олонец Губ. Вед.» 1892, № 73—80. Явления кладов в виде огонька и животных.

14. **В. Каллаш**—Мелкие этнографические заметки. «Этногр. Обозр», 1902, № 1 Клад пугает до смерти; клад на 12 голов (Черниг. губ.).

15. **Квашнин-Самарин**—О кладоискателях в Зубцовском у «Известия И. О. Л Е. А. и Э. Труды Этн. Отд. XIII (3) вып. 1—2, 1874 г.

16. **А. Кирюр**—Этнографический взгляд на Виленскую губ. «Вестн. Рус. Геогр. Об-ва, 1857, IV, 272 клады на Ивана-Купала. Папортник.

17.—Клад. «Беседа», 1892, № 16. явления кладов в виде животных; обряды при выкапывании кладов.

18 **Л. Майков**—Заметка к статье «Предания о кладах». «Запис. И. Рус. Геогр. Об-ва», т. I, 740—750. Типичные записи на клады.

19. **С. Максимов**—Собрание сочинений, т. XVIII. Спб. 1912 г. Клады охраняют нечист. духи. Паны-разбойники зарывают к. с заклятием (Кадник. у.). Разинские клады в Жигулях. Разб. клады в Кадниковском у. в Муромских и Брянских лесах. Записи о кл. (Симб. и Ворон. губ.). Способы добывания кл., м. проч., влезть на сосну вверх ногами. К. на сто голов (колов);—на имя. Чудодейственные травы. Заговоры и молитвы. К. в виде петуха, ударенный рассыпается деньгами (Калуж. г.). Вариант на тему «бог подаст» (Новг. г.):—дается некорыстным (Пенз. г.).

20 **А. Н. Минх**—Народные обычаи, обряды, суеверия и предразсудки крестьян Саратовской губ. «Зап. Имп. Рус. Геогр. Об-ва», т. XIX, вып. II. Спб. 1890 г. Явление клада огоньком, человеком; клад не дается до времени; клад уйол в землю.

21. **В. Мошков**—Гагаузы, Бендерского уезда. «Этн. Обозр.» 1902, № 3. Клады охраняются «талысымом» в виде блуждающих огней.

22. **А. Д. Неуступов**—Ночь на Ивана-Купала. Этн. Обозр.» 1902, 120—121 стр. Порядок срывания папортника; клад на имя;—в виде голубя (Кадниковс. у.).

23. **Н. Ончуков**—Северные сказки. «Записки Имп. Рус. Геогр. Об-ва по отд. этногр., т. XXXIII, Спб. 1908. В сказке «Рыбьи головы» передается о том, как мужик услышал голос клада, что кладу нужно дать голову; брошенные головки рыбы при случайном завтраке заменяют голову единственного сына (190—191 стр.).

24.—О разинских кладах. «Нижег. Губ. Вед.» 1897 г., № 44.

25. **С. А. Петров**—Предание о кладах и Кудеяре разбойнике. «Современный Листок» 1866 г., 4 и 5.

26.—Предания о разбойниках и кладах в Зюздинском крае, Вятской губ. «Вятские Губ. Вед.» 1890 г., № 3. Перепечатано в «Волжском Вестн.» 1890 г., № 17.

27. **М. Пришвин**—В краю непуганных птиц. Спб. Изд. Девриена, 32—35 стр. Паиские клады. Паны-разбойники, паны-поляки.

28.—Разбойничий городок и клады на нем близ д. Корабаж, Казан. губ. «Каз. Губ. Вед.» 1866, № 46.

29. **М. И. Романовский**—Народные легенды о курганах южной полосы Воронежской губ. «Ворон. Губ. Вед.» 1866 г., № 18, 19. Сообщается,

м. пр., замечательно близкий вариант к рассказу о том, что Бог сам мне подаст».

30. **Д. Н. Садовников**—Сказки и предания Самарского края. Спб. 1884. «Зап. И. Рус. Г. О. по отд. этногр.», т. XII. Сказки про клады: 1. За корысть клад ушел в землю. При копаньи читались заговоры. 2. Чьи руки зароют, те и отроют 3. Видение черной кошки навело страх на кладоискателя. 4., Разбойничий клад, часть которого надо отдать в церковь на ризу Бож. Матери. 5., К. в пещере, в лодке. 6,—в виде козленка 7.,—в горе в лодке, в озере на цепях бочки с зол. 8, Богатый брат, желая надсмеяться над бедным, бросает в окно дохлую собаку, которая рассыпается деньгами (359—369).

31. **Б. и Ю. Соколовы**—Сказки и песни Белозерского края. М. 1915. Указание во сне места клада (194 стр.).

32 **С. І. Г.** Домашняя беседа священника с прихожанами о так называемых кладах. «Руководство для сельских пастырей». 1866 г., № 25. Вариант рассказа о зароке,—«чья рука закопала, та пусть и откопает» Место записи не указано.

33 **Ф. Трейланд**—Латышские народные сказки. Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашк. Энт. Музее. Вып. II, М. 1887. Клад выходит через несколько лет, к. в виде старухи, которая просит дотронуться до нее (с 85—86).—исчез, как только из-за денег начали ссориться (86);—в виде животных, рассыпаются, когда их ударят (87); уходит в воду (87—88);—в землю, п. ч. заговорили, когда копали (89—90);—в виде угольев (92); из за печки голос клада: «прыгну, прыгну!» достался, когда сказали: прыгай (93); «возвратный» клад, на срок (93);—в виде огонька (94); к. на 9 человеческих голов перезарочен на 9 цыплячьих голов; подслушанное заклятие: «своей рукой зарываю своей и выну» (98).

34. **А. Шемшединов**—Легенды и сказания кумыков «Энт. Обозр.» 1905 г., № 2—3, 160 161. У кладов поселяется нечистая сила, не дает человеку доступа к ним, пугает.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Местные слова, встречающиеся в тексте.

Антиресовать—интересовать, Кс. у. 2 стр.
Баушка—бабушка, Кл. 3.
берслета—браслет, Кс. 16.
богасьво—богатство, Кс. 16.
богатей—богатый, Кл. 4.
Вного—много, Ков. 8.
выкорча—освобожденное от пней (выкорченных) место. Ков. 3.
Гавкать—лаять (о собаке), Кс. 15.
грива—бор, лес. Ков. 25.
Двояха—двойная, разросшаяся от корня в два ствола (сосна), Кс. 17.
Зазнать—знать, Гал. 10 «Сам не зазнаю, а люди сказывали»...
западня—подполье, Кс. 6.
засвести—зацвести, Кс. 4.
Изладить—сделать, 7.
допрежде-прежде, Кс. 24.
кладь-(женс. р.) клад, Кс. 28.
клока—клуша, Кс. 5.
коли—если, Кс. 4; почему, 7.
коло—около, Кс. 2.
кореновая (чашка)—сплетенная из корней, Кс. 4.
кулига—пахотный или покосный участок земли в стороне от полей или лугов, Ков. 3.
корчага—большой глиняный горшок, Кс. 6. Вт. 38.
Левольвер—револьвер, Кс. 22.
Мнея—мялка для обработки льна, Нер 5.
мырк!—нырнула, спряталась Кс. 5. «А курица мырк под черёмуху»...
Некорыстный—некорыстолюбивый, 16.
нешто—что-то. Кс. 16 «нешто нездоровится»...
ноне—ныне, сегодня, 7.
Обуять—напасть, Кс. 3. «Страх обуял».
одомчина—место прежде стоявшего дома, дворина. Кол. 4.
Перезарочить—положить новый зарок, который отнял бы силу прежнего, 19.
подваживаться—случаться, удаваться, Ков. 8.
почать—начать, Кс. 7. «Как почали стрелять»...
Ровно—словно, как, Кс. 5.
рубеж—полевая межа, Нер. 5.
Слань—гать, заложенное бревнами место, Кс. 22.
станбище—притон, стан, Вт. 25.
столесник—салфетка, Кс. 4.
страшна (неделя)—страстная седмица, Кс. 2.
Торопко—торопливо, Вт. 4.
Улипать—вместо: сверкать Вт. 13. «Бегут от нас, пятки улипают».
усмотреть—подсмотреть, Кс. 19.
Чу—частица, употребляемая в смысле: вот, слышь. Кс. 3, 4, 5, 16. «Он, чу, покатился»...
Шоша—большая дорога, шоссе, Ков. 8.

---

12 нояб. 1921 г.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края в 1921 году:

1. Отчет о деятельности Костромского Научного О-ва по изучению местного края за 1921 г. 48 стр.

2. Труды, выпуск XIII. Второй исторический сборник. Содержание: В. Апушкин—Печальник Костромской старины (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Миндовский—Вичугская фабричная старина. М. Дмев—Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX в. С. Фризинов—Архив гг. Волженских в Галичск. у., Кострома, 1919—1921, 326 стр.

3. Труды, вып. XX. Содержание: Г. Еремин—Метеорологический Ежегодник за 1919 г. 22+1 стр.

4. Труды, вып. XXI. Содержание: Л. Казаринов — Город Судай, Архангелогородской губернии (печатается). Нерехта, 128 стр.

5. Труды, вып. XXII. Содержание: П. Макарьев—Фабрично-заводская промышленность Костромской губ. накануне мировой войны. 161 стр. +2 диагр. и карта.

6. Труды, вып. XXIII. Содержание: Е. Дюбюк—Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века. 173+III стр.

7. Труды, вып. XXIV. Содержание: И. Правдин—Руководящие указания к изучению ихтиофауны Костромского края. 50 стр.+3 рис.

8. Труды, вып. XXV. Третий лесной сборник. Содержание: Гр. Варгас-де-Бедемар—Общее описание Троинкой дачи. Ветлужского у. В. Переход—Хозяйство на барочный лес в Новинской лесной даче, Кологривского уезда. В. Переход—Организация лесного хозяйства в даче «Соединенные Починки», Костромской губернии. В. Переход—Некролог Сергея Васильевича Конардова (К. Саввина) 55 стр.

9. Труды, вып. XXV. Содержание: В. Смирнов—Клады, цаны и разбойники (этнографические очерки Костромского края). 49 стр.

10. Труды, вып. XXVI. Третий естественно-исторический сборник (печатается)

Библиотека общественных движений в России в XIX и XX в.

Вып. 1. Записки П. Черевина (новые материалы по делу Каракозовцев). Костр. 1918 г. 42 стр.

Вып. 2. Записки предателя П. Гребнева. Костр. 1918 г. 79 стр.

Вып. 3. Воспоминания П. Черевина. 1863—1865 г.г. Костр. 1920 г. 76 стр.

Вып. 4. Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии. Записки Н. Л. Скадовзубова о тюрьме и ссылке. Из материалов по начальной истории Костромского рабочего движения. Костр. 1921 г.. 48+11 стр.

Склад изданий—Кострома. Музей местного края.

Кострома. Р. В. П. Госизд. № 205. Тираж 1000 экз.

1-я Государственная (Коммунистическая) типография.